

Сара Адамс

Список для чтения

Сара Адамс

Список для чтения

Серия «О жизни и любви»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70191103
Адамс, Сара. Список для чтения: АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-133404-8*

Аннотация

Мукеш после смерти жены ведет размеренный образ жизни: смотрит документальные фильмы о природе, по средам ходит в магазин и изредка посещает храм. Чтобы наладить общение с внучкой Прией, заядлой читательницей, он отправляется в местную библиотеку и даже не догадывается, что его жизнь вот-вот изменится...

Школьница Алейша, библиотекарь поневоле, становится хранителем загадочного списка из восьми романов, о которых она никогда раньше не слышала. Заинтригованная, девушка решает последовать рекомендациям.

Мукеш знакомится с Алейшей, которая становится для него проводником в волшебном мире книг. Вместе они продвигаются по списку, поглощая историю за историей, и становятся друзьями. Романы хранят одну маленькую тайну, и, возможно, дойдя до конца списка, Алейша и Мукеш узнают, кто и для чего его составил...

Содержание

Пролог. Список для чтения. 2017	5
Часть первая. «Жена путешественника во времени» Одри Ниффенеггер	12
Глава 1. Мукеш. 2019	12
Глава 2. Алейша	27
Глава 3. Мукеш	41
Список для чтения. Крис. 2017	50
Часть вторая. «Убить пересмешника». Харпер Ли	55
Глава 4. Алейша	55
Глава 5. Мукеш	76
Глава 6. Алейша	92
Глава 7. Мукеш	107
Глава 8. Алейша	112
Список для чтения. Индира. 2017	121
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Сара Адамс

Список для чтения

Sara Adams

The reading List

© Sara Nisha Adams, 2021

© Перевод. Н. Кудашева, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

* * *

*Светлой памяти бабушки и дедушки, Ба и Дада
Посвящаю книгу маме и папе
Люблю вас сильно*

Пролог. Список для чтения. 2017

Круто: новые двери, теперь открываются автоматически, их поменяли с тех пор, как Эйдан был здесь в последний раз. Первое, что ему бросается в глаза – скудные ряды книг. Когда он был моложе, *меньше*, то казалось, что полки бесконечные, изобилуют книгами всех форм и размеров. Когда он был подростком и работал здесь во время каникул, это место было для него убежищем, и, не признаваясь в этом своим друзьям, он обожал зарыться в гряде справочных пособий. Возможно, он просто смотрит в прошлое сквозь розовые очки, воображая волшебную книжную страну, которая в реальности никогда не существовала. Сейчас в двадцать два года, будучи уже не мальчиком, а взрослым мужчиной, он снова здесь в поисках места, где можно укрыться от мира, друзей, родных.

Когда он проходит через двери, библиотекарь поднимает на него взгляд и улыбается. Эйдана приветствует безмолвие. На его памяти это место никогда не было безмолвным. Конечно, это библиотека... поэтому здесь всегда было тихо, но в воздухе стоял приглушенный гул: шорох шагов, детский шепот, перелистывание страниц, передвижение стульев, ерзание, кашель и сопение. Сегодня – ни звука, толь-

ко слышно, как библиотекарь набирает текст на старом телефоне. И больше ничего. В последнее время он заметил на городских билбордах плакаты с призывом спасти библиотеки; они висят в спортзалах, даже на станциях метро, вещают, что в библиотеках проходят распродажи домашней выпечки, проводятся занятия по вязанию, сидячие забастовки и прочие мероприятия. Эйдану никогда не приходило в голову, что библиотека Хэрроу-роуд нуждается в спасении. В его представлении она популярна, любима, однако теперь, оказавшись здесь, он чувствует, как его сердце сжимается... возможно, Хэрроу-роуд следующая в очереди.

Он бредет к полкам с беллетристикой, к разделу детективов и пробегает пальцами по книжным корешкам, останавливаясь на романе «Черная вода прибывает» Аттики Лок¹. Он уже читал его раньше, несколько лет назад. Пожалуй, даже не один раз. Когда, стремясь убежать от действительности, он начинает перелистывать страницы, на него обрушиваются воспоминания о Хьюстоне, живом, ярком, темном, полном противоречий и контрастов городе. Сегодня он нуждается в том, чтобы вновь окунуться в мир, где есть ужасы, крутые виражи, но при этом в мир, где он знает, чем все закончится.

Ему необходимо знать, как *что-то* закончится.

Стол, за которым Эйдан сидел в детстве, исчез, все пере-

¹ Аттика Лок (р. 1974) – американская писательница-фантаст. – Здесь и далее прим. переводчика.

ставили. Ничто не будет оставаться прежним только ради его удовольствия – ни здесь, ни в реальной жизни. Вот еще одно скверное лето, но слова романа окутывают его, он водит пальцами по строчкам, стараясь воскресить забытое чувство, когда ты не двигаешься с места, а твои мысли блуждают где-то далеко. Эйдан чувствует, как повествование увлекает его прочь. Мысли, тревоги, внутренний голос уходят на задний план, и в конце концов становятся всего лишь белым шумом.

Когда он был помладше, мама приводила его сюда вместе с младшей сестрой Алейшей, которую больше интересовали игры, поэтому она брыкалась и капризничала, и Лейле приходилось выводить ее за дверь. Эйдану никогда не доставалось больше нескольких минут уединения, но эти мгновения успокаивали, прекращали путаницу мыслей в голове, помогали вздохнуть, вырваться... сделать все то, в чем он больше всего нуждался.

Громкий звук оповещает его о присутствии кого-то рядом. Эйдан отворачивается от соседа, стараясь не отрывать глаз от страницы, не желая раньше времени позволить кому-то разрушить чары. Краем глаза юноша замечает рядом с собой большую стопку книг.

Скрипит стул, из сумки вываливаются клочки бумаги: смятые чеки и квитанции, библиотечный бланк, листок ответов к кроссворду, превращаясь в жеваную белую кучу на столе рядом с ним.

Эйдан старается успокоить дыхание, потому что сосед на-

чинает неразборчиво бубнить. Непонятно: это песня, мелодия или бессмыслица. Он замечает, что над первой бумажкой нависла шариковая ручка, затем следует ритмичное царапанье.

Эйдан не отрывает взгляд от страницы, пристально следует за словами в книге, впитывает их, стараясь воспроизвести то чувство, какое было у него, когда он в прошлый раз это читал.

На несколько минут молодой человек позволяет фокусу сместиться с книги на библиотечный зал, а затем – за его пределы, на улицу и дальше, на весь район Уэмбли. Он задается вопросом: как дела у мамы? Заметила ли Алейша, что он исчез? Мысли Эйдана возвращаются в помещение, обратно в библиотеку, к человеку, сидящему рядом с ним, который с остервенением царапает ручкой по бумаге, словно от этого зависит его жизнь.

Затем незнакомец резко встает, оставляя на столе груду сложенных бумажек. Краем глаза Эйдан наблюдает, как листочки, словно в замедленном движении, вытягиваются в линию, на каждый, по очереди, указывает палец соседа... и отсчитывает: *один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь...* Затем листочки засовываются в первую, верхнюю книгу в стопке – «Убить пересмешника».

Руки соседа задерживаются на секунду на обложке книги. Эйдан осознает, что уже какое-то время не переворачивал страницу, спрашивает себя: знает ли сосед, что он за ним

наблюдает? Он и сам не понимает, зачем это делает. Потом, спустя мгновение, руки, обтянутые черным свитером, притягивают стопку к себе, с тихим кряхтением книги исчезают из поля зрения молодого человека, он слышит шарканье обуви по дешевому библиотечному ковру, шаги направляются в сторону конторки библиотекаря. Тогда он позволяет своим мыслям вернуться к повествованию.

Когда Эйдан наконец встает из кресла, в окно струится вечерний свет, и библиотека выглядит волшебным, точно так он ее и запомнил. Создается ощущение чуда, но он и раньше не верил в чудеса. Солнце рисует длинные тени на обветшалом интерьере, заливая все теплым янтарным светом, и библиотека будто вылита из золота. Он возвращает кресло на место, осторожно приподнимая его, чтобы не шуметь, хотя вряд ли тут остался кто-то из посетителей, кому бы он мог помешать.

Затем он замечает одинокий сложенный клочок бумаги на столе рядом с собой – кроссворд.

Какое-то время он вертит головой налево, направо, никто за ним не наблюдает. Эйдан протягивает руку, придвигает бумажку к себе и медленно разворачивает. Его пальцы обходятся с ней деликатно, бумага едва ли толще папиросной. Он не хочет ее порвать, думая о том незнакомце, что так настойчиво что-то строчил на бумаге.

Когда он отгибает последний угол, тайна внезапно раскрывается. Аккуратным почерком, с завитками выведено.

Вдруг тебе это пригодится:

- «Убить пересмешника»
- «Ребекка»
- «Бегущий за ветром»
- «Жизнь Пи»
- «Гордость и предубеждение»
- «Маленькие женщины»
- «Возлюбленная»
- «Достойный жених»

«Убить пересмешника» – первая книга из той огромной стопки. Эйдан пробегает глазами список, который ни о чем ему не говорит, – просто нацарапанные слова на обрывке бумаги. Через секунду он решает забрать листок с собой, засунув его в карман, но потом останавливает себя. Этот аккуратно сложенный маленький листок бумаги – всего-навсего список книг, оставленный незнакомцем. Зачем он ему?

И вместо этого он кладет его обратно на стол, забирает книгу, послав Аттике Лок молчаливую благодарность, и возвращает экземпляр на полку с детективами, чтобы кто-то потом мог ею насладиться. Эйдан выходит из зала, и двери автоматически закрываются за ним, он оборачивается и сквозь стеклянные двери видит записку точно там, где ее оставил. Полумрак библиотеки надвигается на него; прочитанные и непрочитанные книги образуют барьер между ним и списком. Удаляясь от библиотеки, он почувствовал, как

покой и тишина покидают его по мере того, как он движется
к огням и звукам города, который называется его домом.

Часть первая. «Жена путешественника во времени» Одри Ниффенеггер

Глава 1. Мукеш. 2019

– *Би-и-н.* Привет, папа. Это Рохини. Прости-прости, что опять тебе звоню, но ты же знаешь, как я беспокоюсь, когда ты не берешь трубку и не отвечаешь на мои звонки. Мы с Прией собираемся навестить тебя в пятницу – дай знать, если хочешь, чтобы я что-нибудь принесла, еду или напитки. Я не уверена, папа, что та пища, которую ты себе готовишь, сбалансирована – тебе надо питаться не только одними бобами. Помни: сегодня день вывоза мусора, но вывозятся только черные баки. Зеленые баки – на следующей неделе. Позови Параму из дома восемьдесят семь, если не справишься, хорошо? Я знаю, что тебя беспокоит спина.

– *Би-и-н.* Пап, это Дипали. Рохини попросила тебе позво-

нить, потому что давно не получала от тебя новостей. Она просила сказать, что сегодня день вывоза мусора, не забудь, хорошо? Чтобы не получилось, как в прошлый раз, когда тебе пришлось выбегать утром в халате! Перезвони мне, хорошо? Я собираюсь на работу. Близнецы передают тебе привет! Пока, папа.

– *Би-и-п*. Привет, папа, это Вритти. У тебя все в порядке? Хотела проверить, как ты там. Дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится. Я скоро смогу заехать, просто дай мне знать, когда ты свободен. Я очень занята последние несколько недель, но смогу выкроить немного времени.

Так начался день Мукеша, как и любая другая среда, с трех похожих сообщений на автоответчике от его дочерей: Рохини, Дипали и Вритти. Они оставили их в неудобный для общения час – восемь утра, перед уходом на работу, – к этому времени Мукеш зачастую даже не просыпался.

В другой день недели он мог бы перезвонить каждой из них по очереди и сообщить, что его мусорные баки переполнены, пусть даже это было неправдой, и что он понятия не имеет, кто такой Парам из восьмьдесят седьмого, хотя прекрасно знал – просто ему нравилось держать их в напряжении. Но сегодня у него не было на это времени.

Сегодня у него был день покупок. Наина всегда ходила за покупками в среду. Отклониться от заведенного ею порядка было бы неправильным. Первым делом он проверил холодильник и буфет, где все было устроено так, как любила

Наина, и его это вполне устраивало. Ну, понятно: надо купить окру² и бобы маш³. Он обожал бобы маш, что бы там ни говорила Рохини. Когда была жива Наина, он мало готовил, разве что в последние месяцы ее жизни, но знал несколько рецептов наизусть. Они поддерживали его жизнедеятельность. Зачем в его возрасте сбалансированное питание?

Когда он, хлопнув дверью, вышел из дома, его обдало июльской жарой. Опять Мукеш оделся слишком тепло. Ему всегда было жарко. Другие пожилые люди у мандира⁴ над ним смеялись, потому что мерзли, а Мукешу было жарко. Он беспокоился о пятнах пота под мышками, хотя они часто говорили: «Мукешбхай⁵, почему ты беспокоишься о таких вещах? Мы теперь старые – нам должно быть все равно».

Но Мукеш не хотел быть старым, и, если бы он перестал беспокоиться о пятнах пота, о прилюдной отрыжке и других подобных вещах, он мог бы перестать беспокоиться и о чем-то более важном.

Он поправил кепку, которую носил в любую погоду, чтобы солнце не попадало в глаза. Эта кепка была у него пятьдесят лет. Она была изношена и потрепана, но он ее очень любил. Она пережила его брак, и, хотя он не хотел быть пес-

² Окра – овощная культура, по вкусу напоминающая смесь спаржи и баклажана.

³ Бобы мунг – однолетнее травянистое растение семейства бобовых, по вкусу напоминают фасоль и имеют легкий ореховый аромат.

⁴ Мандир – индуистский храм.

⁵ Бхай – уважительное обращение к индийскому мужчине.

симистом, если бы он ее потерял, это было бы все равно что потерять еще одну существенную часть себя.

С каждой неделей подъем на небольшой холм от его дома до главной улицы становился чуть-чуть труднее, а его дыхание – чаще, и когда-нибудь ему придется нанимать ради пятиминутной прогулки транспорт для людей с ограниченными возможностями. Когда он, наконец, достиг вершины холма и повернул налево, то перевел дух, ухватился за оградительный столб, поправил съехавшую с плеча холщовую сумку с символикой храма и двинулся дальше в направлении продуктового магазина на Илинг-роуд.

По средам там было поспокойнее, поэтому Наина и решила, что среда будет днем покупок. Она всегда говорила, что в этот день ниже шансы наткнуться на кого-нибудь знакомого, потому что подобная встреча могла превратить десятиминутный поход за покупками в часовое светское мероприятие.

Немногочисленные люди входили и выходили из магазинов, в витринах которых красовались манекены, облаченные в драгоценности и великолепные ткани, но большинство толклось у прилавков с фруктами и овощами или бродили вокруг Центральной мечети Уэмбли. Мукеш помахал своему соседу Насиму и его дочери Нур, которые поедали из одного пакетика маниековые чипсы. С тех пор как умерла Наина, он разговаривал с ними не больше нескольких минут, но всякий раз, как видел Насима и Нур во время школьных ка-

никул, они озаряли его день.

Наконец Мукеш подошел к своей любимой лавке в тени навеса, переполненной всеми видами свежих и ароматных овощей. Здесь кишмя кишели покупатели, тележки, дети. Мукеш ощутил, как к горлу подкатывает паника. В дверях стоял Нихил, словно поджидая его.

– Привет, Мукеш!

Нихилу тридцать, он сын знакомого по мандиру. Так что в знак уважения он должен называть Мукеша «Мукешфуа», что означает «дядя Мукеш». Старик промолчал, не желая быть дядей этому молодому человеку, у которого пока еще были свои волосы и зубы, которому было еще далеко до жировых складок на животе, в отличие от Мукеша, не расстававшегося с ними последние десять лет, поддерживая их диетой из риса, бобов и кадхи⁶. Ему больше нравилось чувствовать себя другом Нихила, чем еле ковыляющим старым дядей.

– Здравствуй, Нихил, – ответил Мукеш. – Можно мне бобов, побольше, и немного бамии?

– Интересно, что ты готовишь сегодня, Мукеш?

– Ты знаешь, что я готовлю.

– Это была шутка. Ты же знаешь, что бобы и окра не сочетаются в еде? Приготовь что-нибудь другое. Хоть раз, Мукеш.

– Знаешь, молодой человек, тебе бы следовало называть

⁶ Кадхи – индийский густой соус с йогуртом и нутовой мукой.

меня «дядей»! Я должен рассказать матери о твоей дерзости. – Он улыбнулся про себя, как бы Мукеш ни старался, ему никогда не удавалось заслужить уважение, которым пользовалась Наина. В их семье она была публичной фигурой, проводила сатсанги⁷ в храме по субботам и вела бхаджаны⁸. Люди помоложе и ее сверстники относились к ней с почтением.

Мукеш смотрел, как Нихил лавирует между покупателями. Наконец он вручил старику синий пакет, наполненный зеленью, в нем было много окры и бобов маш, но Нихил добавил и других овощей. Не зря его лавка называлась «Разнообразие продуктов».

Мукеш сдержанно поблагодарил и сквозь толпу покупателей стал проталкиваться обратно на улицу, где сигналили машины, из их приоткрытых окон ревели разнообразная музыка.

Когда он достиг начала своей улицы, то зашагал живее, подгоняемый спуском, дойдя до дома, отпер дверь, проковылял в кухню и там распаковал свои покупки. Лучшими приобретениями сегодня были шпинат, кориандр и несколь-

⁷ Сатсанг – понятие в индийской философии, обозначающее: высшее истинное сообщество, сообщество высшей истины; общение с гуру; собрание людей вокруг просветленного человека с целью услышать истину, говорить о ней и усваивать ее.

⁸ Бхаджан – религиозное песнопение поэтов традиций бхакти в индуизме. Бхаджаном также называют духовную практику, направленную на удовлетворение Бога.

ко булочек, идеальных для пав бхаджи⁹, которое Мукеш не знал, как готовить. Наконец он уселся перед телевизором.

Обычно после того, как он заканчивал распаковку покупок, Мукеш садился в кресло перед телевизором, задрав ноги, пил горячий, в меру сладкий чай (такой всегда готовила Наина, а теперь ему приходилось заваривать из чайных пакетиков), и включал индийский развлекательный канал или новости – тогда комнату заполняли звуки, смех, серьезные дебаты о международных отношениях, это помогало отвлечься от пустого кресла Наины рядом и оглушающей тишины, которая встречала его каждый день вот уже два года.

Несколько месяцев после смерти Наины Мукеш не мог спать в их постели, потому что пребывание там в одиночестве было сродни ночевке в чужом доме.

– Должно пройти время, папа, – говорила Рохини, а Вритти постелила ему постель в гостиной.

– Не может же он спать там вечно, все равно вернется обратно, – шептала сестрам Дипали, подоткнув отцу одеяло. Странная смена ролей, которая заставляла его испытывать безмерное чувство стыда. Он не может ощущать себя полноценным, когда его половинки нет.

– Папа горюет, но скоро поправится. Я не могу заставить себя пойти в спальню, но нам надо разобрать мамины вещи. Она держала их в таком беспорядке! – шептала ей в ответ

⁹ Пав бхаджи – индийское блюдо быстрого питания, состоящее из густого овощного карри, подаваемого с мягкой булочкой.

Рохини.

Он лежал на диване в гостиной, прикрыв глаза, силясь заглушить звук их мягкого, утешительного смеха. Мукеш – отец, он должен присматривать за своими девочками, но не мог – не знал, как это делать без Наины.

Прошел год, и началось Время-Вечного-Покоя-Мукеша-Пателя, молчаливая, одинокая стадия горя, когда все, кроме тебя, зажили новой жизнью. Рохини, Дипали и Вритти настаивали на том, чтобы, наконец, разобрать комнату Наины.

– Папа, нельзя больше откладывать, пора начинать жить дальше.

Они разбирали по кусочкам жизнь своей матери, структурируя организованный хаос, в котором жила Наина. Дипали, у которой была аллергия на пыль, вынуждалась приготовить им обед. В тот день его дом вновь наполнился жизнью, но совсем по другим причинам. Слушая, как Дипали в кухне замешивает тесто, Мукеш стоял в дверном проеме их с Наинной спальни и наблюдал за Вритти и Рохини, которые не догадывались о его присутствии. Он был словно безмолвный и невидимый призрак в собственном доме.

Рохини, взяв на себя инициативу, выкрикивала Вритти указание достать из-под кровати сложенные там коробки. Сама хаотично металась по комнате, убирала гребень в коробку из-под обуви, складывала шали в большой чемодан на колесиках, упаковывала горсти браслетов. Мукеш наблюдал,

как они вытаскивали из-под кровати коробку за коробкой. Вритти опустилась на колени и, прижавшись щекой к коврику, шарила рукой налево и направо, пока не раздались звон и бряканье.

– Боже! Что ты наделала? – простонала Рохини, уставившись сверху вниз на сестру.

Вритти достала коробку, обнаружив полупустую баночку из-под йогурта с разными сережками, затем появилась еще одна с фотографиями, которые так забавляли девочек, когда они были маленькими. Сидя на коленях у Наины или Мукеша, дочки расспрашивали об их одеждах с узором пейсли¹⁰ и ярких аляповатых шароварах. Мукеш всегда считал, что они выглядели модно, но девочки только посмеивались над ними. Потом дочери вынули несколько пустых пластиковых контейнеров, и, наконец, появилась покрытая пылью библиотечная книжка.

Вритти на секунду сбавила темп, рассматривая книгу, а Рохини опустилась на колени рядом с сестрой.

– Папа, – громко позвали они, по-прежнему не догадываясь, что он находится всего в нескольких футах.

Дипали тоже прибежала на крик.

– Мамина книга... то есть библиотечная, – сказала Рохини. – Я думала, что все вернула, но, видимо, эту пропусти-

¹⁰ Узор в виде капли со множеством мелких деталей и загнутым вверх концом. Он имеет и другие названия: «турецкий огурец», «слезы Аллаха», «индийский огурец», ботех или бута.

ла. — Она показала ему книгу, и он подошел, не веря своим глазам. Словно эта пыльная, липкая, неприглядная книжка была миражом. Когда прежде он видел другие свидетельства жизни Наины, то почти ничего не чувствовал. Но сейчас, при виде этой книги, с серыми разводами пыли на глянцевого обложке, было ощущение будто его жена с ними в комнате. С тремя дочками и с одной из любимых книг Наины, он на секунду, только на секунду, почувствовал себя не таким одиноким.

Когда-то на прикроватной тумбочке Наины высилась огромная стопка библиотечных книг. Они сопровождали ее и в последний год жизни. Жена вновь и вновь перечитывала свои любимые книги. Мукеш теперь жалел, что не расспросил ее, о чем они были, что ей в них так нравилось, почему она чувствовала потребность вновь и вновь возвращаться к ним. Он жалел, что не читал книги вместе с ней.

И теперь все, что у него осталось — одна библиотечная книжка «Жена путешественника во времени».

Тем вечером в спальне, освобожденной от Наининого хлама, Мукеш раскрыл книгу, чувствуя себя незванным гостем. Это была не его книга, она выбиралась не для него, и, быть может, Наина не хотела, чтобы он ее читал. Мужчина заставил себя прочесть одну страницу, но остановился. Слова не складывались в смысл. Он пытался найти в черных буквах на пожелтевших страницах послание от Наины, но его не существовало.

На следующую ночь он попытался опять, зажег лампу для чтения жены и еще раз открыл первую страницу, аккуратно перелистывал страницу за страницей, изо всех сил стараясь не оставить на книге материального следа. Он хотел, чтобы в книге были только следы Наины. Мукеш сосредоточено искал зацепки: отпечатки пальцев на странице, пятно от чая, разводы от слез, выпавшую ресничку, хоть что-нибудь. Он решил, что когда-нибудь ему придется вернуть книгу в библиотеку, ведь этого бы хотела Наина. Но он не мог ее отпустить. Это был его последний шанс воскресить жену.

Мукеш впитывал в себя книгу, страницу за страницей, главу за главой. Он познакомился с Генри, который умел путешествовать сквозь время. Благодаря этому дару он мог встречаться с прошлой и будущей версиями себя, и, что немаловажно, именно так Генри встретил Клэр. Он перемещался во времени, чтобы повстречаться с ней, когда она была еще девочкой, и возвращался снова и снова на протяжении многих лет. Это была любовь всей его жизни. И у Клэр не было другого выбора, кроме как полюбить его, потому что он был всем, что она когда-либо знала.

Мукеш видел в этих персонажах не Генри и Клэр, а саму любовь – любовь предначертанную и неизбежную. Такая любовь была у него с Наиной. В конце романа Генри совершает скачок в будущее и узнает, что скоро умрет. Он говорит Клэр, что знает, когда они расстанутся навсегда.

Когда Мукеш читал о трагедии Клэр и Генри, рядом с ним

начал трезвонить телефон. Звонила Дипали. Он не мог говорить – только плакать.

– Я знал, что она умирает, моя милая, – сказал он дочери, когда у него, наконец, прорезался голос. – Так же, как в книге Клэр знала, что Генри умрет. Они могли сосчитать сколько им осталось провести дней вместе. У меня тоже было предчувствие, но сделал ли я достаточно? Сделал ли я ее последние месяцы счастливыми?

– Папа, ты о чем?

– О книге твоей мамы «Жена путешественника во времени».

– И что там с книгой? – В ее мягком голосе звучала жалость.

– Генри и Клэр... понимаешь... они любили друг друга с самой юности, точно как мы с твоей мамой. И они знали, когда ему суждено умереть, поэтому старались прожить оставшееся время как можно лучше, извлекая максимум из каждого момента. Не уверен, что я поступил так же.

– Папа, мама любила тебя, и она знала, что ты ее любишь. Этого было достаточно. Уже поздно, папа, иди спать, хорошо? Не беспокойся об этом. Ты подарил ей чудесную жизнь, и она ответила тебе тем же.

Наина умерла, но эта книга позволила заглянуть в ее душу, вспомнить об их любви и совместной жизни. Моментальный снимок первых лет их супружества, когда они были друг для друга лишь женатыми незнакомцами без ясно-

го представления кем на самом деле является супруг. Наина делала все: готовила, убирала, смеялась, плакала, шила, а в конце дня читала. Она устраивалась в кровати так, будто у нее был самый спокойный день и читала. С первых недель их совместной жизни он понял, что любит ее и всегда будет любить.

«*Я всегда буду с тобой, Мукеш*», – сказала Наина, когда он сжал книгу в руках. Он ясно слышал слова, произнесенные ее голосом. История, она вернула ее к жизни, пусть даже на миг.

Мукеш потянулся за пультом от телевизора, чтобы продолжить ежедневную рутину, и его руки наткнулись на книгу. «Жена путешественника во времени» внимательно смотрела на него со стола в гостиной. «*Пора идти в библиотеку, больше никаких оправданий*», – прошептала ему книга голосом, удивительно похожим на голос Наины. Настала пора оставить книгу позади и двигаться дальше. Да, пора.

Сделав несколько глубоких вдохов и чуть потянув затекшие ноги, он встал, сунул книгу в холщовую сумку, проверил в кармане проездной на автобус и, выйдя из дому, направился напрямик вверх по холму. Он, чтобы попасть на ближайшую автобусную остановку, перешел дорогу по светофору и стал ждать, стараясь прочесть расписание.

Рядом с ним стояла молодая женщина с растрепанным пучком и огромным телефоном, который она держала обеими

ми руками.

– Извините, вы не подскажите, как мне проехать в библиотеку и на каком автобусе я могу туда добраться?

Женщина вздохнула и принялась барабанить по экрану. Он ее раздражал, ему придется найти другой способ. Щурясь, Мукеш не мог разобрать на карте ни одной детали. Он простоит тут вечно.

– Вам нужно сесть на девяносто второй, – вдруг произнесла женщина, заставив Мукеша вздрогнуть. – До административного центра.

– О нет! Наверняка есть другой маршрут. В административном центре так много людей, слишком людно для меня. Не могли бы вы посмотреть еще.

Женщина громко и сердито жевала резинку и опять взглянула в телефон.

– Я не знаю. Ведь в нашей округе все библиотеки закрываются. – Она с раздражением резко втянула в себя воздух, но уже через секунду сказала: – Есть библиотека на Хэрроу-роуд, в той стороне. Тот же самый автобус. Только вам надо перейти дорогу.

– Спасибо, спасибо. Я так рад.

Он улыбнулся ей, и она, вопреки всему, улыбнулась в ответ. Когда Мукеш сошел с бордюра, то от приятного волнения позабыл, как медленно двигаются его конечности, и почувствовал резкую боль в колене. Женщина аккуратно, но крепко схватила его за руку.

– Остыньте, сначала надо посмотреть по сторонам. – Она повернула голову направо, потом налево и, убедившись, что горизонт чист, легонько подтолкнула его.

Очутившись на другой стороне дороги, он обернулся и, ища ее глазами, поднял руку, чтобы ей помахать, но подошел ее автобус, и Мукеш был забыт.

Когда к его остановке подъехал девяносто второй, он залез в него, изо всех сил втаскивая себя на площадку, и приложил карточку к валидатору.

– Простите, – обратился он к водителю, – скажите, пожалуйста, на какой остановке сойти, чтобы попасть в библиотеку Хэрроу-роуд?

Он произнес эти слова так, будто это была Очень-Важная-Достопримечательность. Водитель безучастно посмотрел на него.

– Остановка Илинг-роуд, – сказал он наконец.

– Спасибо, мой друг, спасибо. Сегодня у меня очень важный день.

Глава 2. Алейша

– Алейша, – произнес Всегда-С-Термосом-Дев, похлопав рукой по письменному столу, – я ухожу до конца дня, постарайся быть порасторопнее. У нас здесь, конечно, не ночной клуб или другое место, куда вы, молодежь, любите ходить, но люди по-прежнему ожидают здесь хорошего обслуживания.

Алейша облокотилась на стол с видом «расслабленной стервы» – так любя называл ее выражение лица брат. Она смотрела на Термоса-Дева, не утруждаясь, чтобы выпрямиться и изобразить внимание. Термос был ее начальником. Высокий, костлявый, одетый в жилетку поверх свитера индеец, который раздражал, но по отношению к нему она также чувствовала жалость. В библиотеке он был Боссом. Подчиненные суетились вокруг него, стараясь угодить, даже когда он просто сидел в углу, попивая кофе из термоса. Алейша всегда задавалась вопросом, не был ли в термосе на самом деле алкоголь, потому что в комнате для персонала была роскошная... ну, почти роскошная... кофе-машина. Зачем же приносить кофе с собой? Но ей казалось, что снаружи он уменьшался вдвое, потому что внешний мир, особенно Уэмбли, не был благосклонен к мужчинам с термосом, в жилете поверх свитера, которым нравилось командовать окружающими. Ее беспокоило, что люди могут накричать на него, если он идет слишком медленно или налететь на него, рас-

плескав его «кофе».

– Не беспокойтесь, босс, сегодня совершенно безлюдно.

Он негодуя поднял брови, но не мог не согласиться. Ранее пришло несколько плаксивых и шумных детей с родителями. Они взяли по одной книге и пообещали заплатить просроченные штрафы, когда придут в следующий раз. Эти штрафы (двадцать и шестьдесят семь пенсов) числились за ними последние три месяца, грозя превратиться в навсегда неоплаченные. Алейша спустила проблему на тормозах, ведь у нее не было желания поднимать шум. Эта работа не была пределом ее мечтаний (а кто бы о ней мечтал?), она устроилась сюда на лето. Экзамены у нее кончились в мае, так что это было буквально самое долгое лето в ее жизни.

– Люди еще пользуются библиотеками? – спрашивали ее школьные друзья, когда она устроилась на эту работу, скучную до чертиков.

Здесь так тихо, словно все вымерли. Она пыталась устроиться в магазин одежды на Оксфорд-стрит ради скидок и возможности ненадолго выбраться из Уэмбли, но в итоге оказалась здесь.

– Это – место покоя, – сказал ей Термос после собеседования. – Мы этим гордимся. Множество библиотек закрылось в последнее время, я уверен, что вы об этом слышали, и мы делаем все, что в наших силах, чтобы заострить внимание властей на том, как необходимо это пространство для нашего общества. – Он широко раскинул руки, упиваясь

душной библиотечной тишиной. – Множество наших постоянных посетителей приходят сюда за чудесным ощущением безмятежного единения, понимаете? Ваш брат ведь тоже любил это место, не так ли? Как поживает ваш брат?

Алейша кивнула в ответ и пожала плечами. Эйдан работал здесь, когда был в ее возрасте.

– Люди очень увлекательны, – сказал Эйдан, когда она сообщила ему, что получила эту работу. – Интересно просто наблюдать, как они молча что-то читают, рассматривают или... когда не осознают, что за ними наблюдают... То есть... ну не знаю... никто не притворяется кем-то другим в библиотеке.

Алейша не понимала его восхищения. Эйдан всегда был книжным червем, любил учиться, часто делал это ради самого процесса, тогда как она занималась только ради оценок, никогда, подобно ему, не сворачивалась клубочком в кресле с книгой в руках.

Когда они были детьми, мать изредка приводила их сюда, и Алейше была невыносима тишина. Она брыкалась и вопила, желая бегать в парке на улице. Когда они стали старше, Алейша никогда не возвращалась в библиотеку, но Эйдан имел привычку отправляться туда после школы, чтобы сделать домашнее задание, но по большей части просто почитать книги для удовольствия.

Поэтому, как только Алейша сообщила, что в магазин одежды ее не берут, Эйдан предложил посетить маленькую,

тихую и душную библиотеку на Хэрроу-роуд. В каком-то смысле она выполняла эту работу ради него, надеясь, что брат будет ею гордиться.

– Я тоже ухожу. Алейша, ты справишься одна?

Из-за полок выскочила Люси, одна из двух волонтеров. Термос сказал, что им не хватает финансирования, чтобы нанять еще сотрудников, было недостаточно только одного желания иметь две хорошие библиотеки, ведь та, что находилась в административном центре, была просто шикарной, поэтому им приходилось делать все возможное, чтобы сократить расходы и при этом обеспечить «наилучшее обслуживание». Люси много лет прожила в Уэмбли, и библиотека на Хэрроу-роуд была ее любимой, когда финансировалась в полном объеме. Она любила поговорить о добрых старых временах, когда дети на каникулах вваливались сюда толпой.

– Знаешь, Алейша, раньше эта библиотека была многолюдной и процветающей. Мне нравится приходить сюда пару раз в неделю – это навевает воспоминания о моих детях. Они стали здесь читателями.

Люси обожала предаваться воспоминаниям. Эту историю она рассказывала Алейше по меньшей мере раз пятнадцать, всегда при этом говоря: «Останови меня, если я это уже рассказывала».

– Сейчас здесь тише. Наверное, потому, что дети играют в Xbox и все такое, – продолжала Люси. – А вот мои малыши поглощали страницу за страницей, если добирались до

книги.

Дочка Люси стала владелицей сети парикмахерских, открыв две или три в этом районе, дела у нее шли хорошо. Сын выучился на бухгалтера и работал в одной из юридических фирм города. Люси бесконечно ими гордилась, и всегда относилась их успехи на счет «этой библиотеки».

– Сегодня здесь так спокойно, правда? – Люси посмотрела на коллег, накинула летнюю куртку и побрела к двери. – Идеальный день, чтобы отдохнуть с книжечкой, – подмигнула она. – Увидимся на следующей неделе.

Было спокойно. Люси и Эйдан были правы. Но с покоем приходила скука, а сегодня она была настоящим испытанием.

– Может быть, – сказал Термос, обращаясь к Алейше, когда уже подошел к двери, – вы могли бы просмотреть стопку возвратов? Надо убедиться, что там нет бумажек или других кусочков мусора. Некоторые из наших постоянных посетителей... («Что? Все пятеро?» – ехидно подумала Алейша.) ...жаловались, что находят между страницами всякий хлам. В выдвижном ящике латексные перчатки. Я знаю, что Кайлу обычно нравится эта работа, но было бы полезно, если бы вы сделали это сегодня.

Конечно же, пай-мальчик Кайл обожал всякие противные, кропотливые задания. Она подумала о том, чтобы проигнорировать его указания... но оглядела помещение. Тишина. В углу читал парень, в детском отделе сидела мама с малы-

шом – все занимались своими делами. Она никому не была нужна. Телефон лежал на столе: нет новых сообщений. Старые часы, висевшие над дверью, показывали половину второго. Впереди у нее были долгие часы, и, если ничего не делать, время, казалось, может остановиться. Поэтому она выдвинула ящик, надела латексные перчатки, облегающие кожу, и приступила к работе.

Уже через десять минут перед ней выросли две горки. Первая – хлам на выброс: несколько билетов на поезд, старые квитанции, порванный билет на концерт Stormzy¹¹, датированный 2017 годом. Вторая – хлам, подлежащий сохранению: карточка постоянного покупателя закусочной, на которой не хватало всего одной печати. Бедный Кайл будет сожалеть, что упустил такое сокровище.

Как раз в тот момент, как она начала открывать особенно противный экземпляр «Войны и мира», она краем глаза заметила старика по другую сторону стеклянных дверей библиотеки. Он пытался открыть дверь, когда это не удалось, он принялся махать руками.

«Чтоб тебя! – подумала она. – Есть же специальная кнопка прямо перед тобой». Как раз в тот момент, когда она решила, что ее оставят в покое до конца дня! Закатив глаза, она стала ждать, что он предпримет. Если повезет, он потеряет терпение и поплетется по своим делам.

Но она ошиблась. Он упорствовал, хотя и безрезультат-

¹¹ Британский хип-хоп- и грайм-музыкант.

но. Он стоял, положив одну руку на поясницу, а другую – на дверь, изо всех сил вытягивая шею, глазами всматриваясь в каждый сантиметр дверей в поисках подсказки. Его глаза метались слева направо, и голова старалась не отставать.

Бесполезно.

Она подождала еще немного, но, когда его руки начали тянуться к верхней части двери, сдалась. Ей не нужно было, чтобы Термос-Дев кричал на нее за халатное отношение к своим обязанностям, если этот тип свалится, силясь, скажем, пролезть через верхнее окно.

Она вынула наушники, подошла к входу и нажала кнопку, открывающую двери, наблюдая, как они раздвигаются.

– Ага! – сказал мужчина по ту сторону двери, довольный собой.

– Я просто нажала кнопку. Снаружи тоже она есть.

– О, спасибо, мисс, – закивал он.

Алейша прошла обратно к своему столу, снова вставила наушники, приготовилась надеть перчатки. Но, когда она снова подняла взгляд, старик стоял там же, где она его оставила. По ту сторону дверей, которые автоматически за ней закрылись. Она закатила глаза и решила на этот раз не помогать ему.

– Извините, мисс!

Теперь он стучал в дверь одной рукой, а другой судорожно шарил в поисках пропущенной кнопки. «Мне за это мало платят», – подумала она.

Спустя тридцать секунд мамочка решила отвести ребенка домой и по пути впустила старика. На этот раз он не упустил свой шанс, заскочил внутрь и двинулся напрямик к Алейше, сидящей за конторкой. Она уставилась на горку бумажного мусора, приняв сосредоточенный вид, надеясь, что неожиданный посетитель поймет, что она занята, и оставит ее в покое.

Даже сквозь музыку она слышала, как он повторяет: «Извините, мисс», потом он начал постукивать по столу. Когда его палец потянулся к звонку, она посмотрела старику прямо в глаза.

– Чем могу помочь, сэр? – мило улыбнулась она, используя вежливую манеру, словно говорящую: «Посмотрите на меня, я библиотекарь».

– Я хочу вернуть... – После минутного замешательства его лицо побледнело. – Нет, извините, вообще-то... – Он энергично помотал головой. – Мне нужны кое-какие книги.

Девушка заметила, что он крепко прижимает к боку небольшую холщовую сумку, цепляясь за нее как за спасательный круг.

– Вы пришли по адресу, – ухмыльнулась она.

– Нет, мисс, мне нужна ваша помощь. Пожалуйста, помогите мне.

Она вздохнула.

– Как я могу помочь?

– Я... – Его голос надломился, став почти неслышным, щеки чуть порозовели, а уши сделались пылающе-красны-

ми. – Я не уверен... можно мне взять несколько историй.

– Вы можете воспользоваться устройствами самообслуживания. – Она указала на столы с компьютерами.

Он посмотрел на компьютеры, потом опустил взгляд на свои руки.

– Думаю, что не знаю, как ими пользоваться, – сказал он.

– Вы знаете, какие книги вам нужны? – вздохнула она, повернулась к своему экрану, свернула «Инстаграм»¹², мельком взглянув на новое фото, которое выложил ее бывший, Рахул, и открыла нужную базу данных.

– Нет, тут мне тоже нужна помощь.

Она изо всех сил старалась не потерять терпение.

– Боюсь, я не смогу вам помочь, если вы не знаете, какие книги вам нужны. У меня есть только поисковая система.

– Но разве у вас нет знаний о книгах? Библиотекари ведь знают, что люди хотят почитать? Я знаю, что хочу. Я хочу читать книги с удовольствием. Может быть, это будет книга, которую я мог бы читать вместе с внучкой... А может, что-то из классики? Наверное, мне нужны романы. Я прочитал «Жену путешественника во времени». – Его рука метнулась к сумке и крепко ее сжала. – Да, эта книга мне действительно понравилась. Она мне очень помогла.

– Никогда о ней не слышала. Мне очень жаль, но я луч-

¹² Социальные сети «Фейсбук» и «Инстаграм» принадлежат компании Мета, которая признана экстремистской, и ее деятельность на территории России запрещена.

ше разбираюсь в научно-популярной литературе, книгах для учебы и тому подобном. В том, что учит меня чему-то. Я не читаю романы.

Старик выглядел потрясенным.

– Вы должны знать о романах. Это ваша работа. Вы можете указать мне направление? Хотя какое-нибудь?

– Нет, я думаю, вам нужно воспользоваться Гуглом или что-то в этом роде.

– Я...

Она встала со стула, от боли пульсировало в висках. Она вспомнила вчерашний вечер: маму, закрывшуюся в своей комнате, брата, меряющего шагами коридор и время от времени прислушивающегося, проверяя, как у нее дела. На его лице было беспокойство. У Алейши засадило в глазах, накатила усталость, голова отяжелела.

– Прошу вас, сэр, – процедила она сквозь зубы, – Поищите на полках, если хотите найти что-нибудь почитать. Романы вон там. – Она махнула рукой в нужном направлении.

С этими словами она села и стала наблюдать, как старик двинулся к полкам, медленно, но уверенно. Несколько раз он оглянулся, хмуря брови. Алейша уткнулась в экран, полная решимости не обращать на него внимания. Она почувствовала, как к горлу подкатило нечто, похожее на чувство вины, и закашлялась. Что это на нее нашло? Она плотно засунула наушники в уши и включила музыку.

Алейша натянула латексную перчатку, чувствуя, как она

цепляет крошечные волоски на коже. Она уже готова была забыть о последних минутах, как вдруг к ней обратился кто-то еще. Это был один из пяти библиотечных завсегдатаев. Любитель криминальных триллеров. Его всегда можно было найти в разделе детективов и триллеров, он садился за стол, откуда открывался вид на парк. Стол был слегка отделен от остальной библиотеки. Уютный, уединенный. Иногда, когда библиотека закрывалась, Алейша и сама любила посидеть там, глядя на улицу. Всего минуту или две. Чтобы сделать крохотный перерыв перед уходом домой. Момент, чтобы собраться с силами.

– Что? – выпалила она, зная, что ведет себя грубо, но у нее не было сил, чтобы об этом заботиться.

– Э... извините, – пробормотал он. У него были длинные волосы (по ее мнению, слишком длинные для взрослого мужчины), они закрывали большую часть его лица. Он любил яркие футболки, но почти всегда надевал поверх них теплые черные толстовки. Один только его вид в эту жаркую и влажную погоду заставлял ее задыхаться. – Я просто хотел вернуть книгу. – Он протянул экземпляр «Убить пересмешника».

Затянутым в латекс пальцем она указала на стопку возвращенных книг.

– Положите вон туда, я потом разберусь.

Он кивнул.

– Конечно, я обычно читаю детективы, но эта книга очень

хорошая. Я перечитываю ее уже несколько раз – все время возвращаюсь к ней... Она помогает мне отвлечься, выбросить все мысли из головы... все книги это делают, понимаете? Так действует на меня библиотека.

Она нахмурилась. Если мрачные преступления – для него спасение, от чего же тогда приходится ему убегать? Но в ответ она только кивнула.

Любитель детективов, запинаясь, неловко и застенчиво продолжал.

– Эта книга... понимаете... я бы ее порекомендовал. – Он поднял брови и почти незаметно кивнул в сторону старика, затерявшегося среди полок. Алейша опять нахмурилась, а Любитель детективов еще раз взмахнул книжкой в направлении старика. – Это классика... книга, которую должен прочитать каждый. – Он тщательно подбирал каждое слово, а потом аккуратно положил книгу рядом с другими возвращенными – так, будто это был какой-то драгоценный подарок – и медленно отвернулся от нее.

Что с ним? Может, он пытается с ней флиртовать?

Когда он, наконец, ушел, Алейша взяла «Убить пересмешника», отсканировала, чтобы оформить возврат и принялась перетряхивать ее в поисках любого недозволенного мусора, который надлежало выбросить. Когда из книги выпал листок бумаги, она ожидала, что это окажется номер телефона парня или его ник в «Инстаграме» или что-то подобное. Но, развернув его, она увидела, что это нечто вроде списка покупок.

Она вздохнула, ей хотелось перезвонить ему и отчитать за то, что прибавил ей работы. Но потом Алейша присмотрелась – почерк был красивым, с завитушками в нужных местах. Не так она представляла себе почерк Любителя детективов. Она опять пробежалась взглядом по словам – это был список книг.

Список для чтения.

Вдруг тебе это пригодится:

- «Убить пересмешника»
- «Ребекка»
- «Бегущий за ветром»
- «Жизнь Пи»
- «Гордость и предубеждение»
- «Маленькие женщины»
- «Возлюбленная»
- «Достойный жених»

Сначала она бросила листок в кучу мусора. Но когда понесла ее в мусорное ведро, что-то ее остановило. Алейша сняла перчатку и осторожно провела пальцами по выведенным буквам «Убить пересмешника», а потом засунула клочок бумаги в заднюю часть телефонного чехла, где уже находилась дисконтная карта.

Она взяла в руки книгу, рассматривая обложку и ощущая ее вес.

Затем она встала и направилась к старику, сердце колоти-

лось в груди, а в голове звучала фраза «Книга, которую должен прочитать каждый». Вот она, ее оливковая ветвь, символ мира.

Глава 3. Мукеш

Мукеш, пока тяжело шел к книжным полкам, чувствовал на затылке пристальный взгляд девушки. Он не знал, с чего начать свой «поиск романа» – разноцветные книги сливались в одно пятно. Он провел руками по корешкам, ощущая различные текстуры – по большей части мягкие и гладкие, шелковистые. Мукеш вспомнил сари¹³ Наины, аккуратной стопкой сложенные дома. Слова, написанные на корешках, убегали, смеялись над ним, как будто знали, что на самом деле ему здесь не место. Наблюдает ли девушка за ним? Он пробирался между стеллажами, стараясь не попасть в ее поле зрения.

Он услышал чей-то шепот. Мукеш не знал, откуда доносится звук, но ему показалось, будто шепчутся о нем. Его щеки запылали. Отчаянно желая спрятаться, он быстро схватил с полки первую попавшуюся книгу.

«Правила дорожного движения и теоретический экзамен для водителей автомобилей». Да, определенно, не это он искал. Это был даже не роман, хотя книга могла бы пригодиться для сдачи экзамена по вождению его внучке Прие лет че-

¹³ Сари – традиционная индийская женская одежда, представляющая собой ткань, особым образом обернутую вокруг тела. Носится сари с блузой и нижней юбкой. На улице женщины обычно накидывают свободный конец сари на голову, как шаль.

рез шесть. Не желая признать поражение, твердо решив сделать вид, что ему не требуется помощь библиотекаря, он сел за стол и начал читать: «Введение. Правила дорожного движения – обязательное чтение для всех».

– Ох, Наина, – произнес он вслух, – что я здесь делаю?

Кто-то, скрытый за углом, сердито шикнул на него, и Мукеш испуганно вскинул голову. Сколько времени ему нужно провести здесь, чтобы не показалось, что он совершил глупую ошибку? Ведь было очевидно, что в ближайшее время он не собирается сдавать экзамен по вождению! Что подумают о нем люди, если он запаникует? Он прочел оглавление, затем введение, которое было интересным, хотя совершенно не имело отношения к его повседневной жизни. Он давно уже перестал водить машину. Об этом позаботились его дочери.

Сидя в кресле, он чувствовал, как «Жена путешественника во времени» прожигает дыру в его холщовой сумке, отвлекая его внимание. В решающий момент он не смог вернуть книгу, хотя понимал, что если вернет ее сейчас, то у него будут большие неприятности из-за того, что он так долго хранил ее у себя. Может, у него получится скрыться на ее страницах, чтобы отвлечься от мыслей об этой ужасной, неуклюжей, постыдной поездке...

За спиной послышались шаги – единственный звук, нарушивший тишину, и, не успевая достать «Жену путешественника во времени», он опять углубился в чтение «Правил до-

рожного движения». Что-то кляцало, он украдкой оглянулся через плечо, стараясь сделать это как можно незаметнее. Его глаза расширились от ужаса, когда Мукеш увидел, что это была та девушка. Она держала в руках книгу, вероятно, чтобы поиздеваться над ним. Ее длинные, острые ногти и выбивали дробь на обложке.

– Сэр? – обратилась к нему она. На этот раз она звучала вежливо, но он не мог ей доверять. Его голова вернулась обратно к страницам. Ему хотелось спокойно почитать эту увлекательную книгу.

– Сэр? – повторила она. – Это то, что вы искали? – Она указала на «Правила дорожного движения». – Я бы вам ее нашла, если бы вы попросили.

– Не называйте меня «сэр», я не ваш начальник! – Мукеш встал, пылая от гнева и смущения.

Подхватив «Правила дорожного движения», он быстрым шагом направился к двери, где нажал на кнопку автоматического открывания дверей, и вышел на улицу. Гордо вскинув голову, он проигнорировал звуковые сигналы детекторов, забыв про похищенную книгу у себя в руках.

Вернувшись домой, Мукеш открыл дверь в пустой дом; он был уже поспокойнее, но глаза жгли слезы, а уши горели от стыда. Сняв у двери обувь, он с невероятной силой бросил холщовую сумку на кресло в гостиной, затем проверил автоответчик. Там было еще одно сообщение от Рохини, закан-

чивающееся словами: «Папа, позвони мне, когда получишь это сообщение. Нам нужно знать, что приготовить в пятницу, когда мы приедем в гости. Завтра мне нужно будет сделать закупки. Я надеюсь, что ты правильно питаешься».

Он плюхнулся на диван. Сообщение Рохини только ускорило удары его сердца. На прошлой неделе Прия умоляла его дать ей что-нибудь почитать. Она забыла дома свою книгу и не знала, как скоротать время. Он предложил ей посмотреть «Голубую планету», но она только недовольно застонала.

– Как жаль, что нет бабули! У нее было столько книг.

Прия и Наина всегда были погружены в книги. Наина вместе с Прией уединялись в их спальне на нижнем этаже, строили крепость из простыней и диванных подушек и читали в ней. Он слышал, как они обсуждали персонажей, как будто это были реальные люди. Это казалось ему причудливым, но совершенно прелестным. С таким же увлечением он смотрел документальные фильмы. Они были такие же познавательные, но легче для его восприятия. Ему бы очень хотелось, чтобы Прия полюбила Дэвида Аттенборо так же сильно, как он.

– У меня есть одна книга, – сказал внушке Мукеш и поспешил наверх, в свою комнату. На книжной полке теперь стоял только пыльный экземпляр «Жены путешественника во времени» в глянцевої обложке.

Когда он спустился к внушке, держа в руках книгу, на лице

Прии отразилось возмущение.

– Вот, Прия. Даже я прочитал, очень красивая история.

– Деда, эта книга слишком взрослая для меня! – Мукеш увидел, как ее щечки начали краснеть от разочарования. – Как жаль, что нет бабушки! Она бы знала. Ты не читаешь книг, деда. – Нижняя губа внучки задрожала, и, в конце концов, она фыркнула: – Тебе просто все равно!

Прия выбила книгу из его рук.

Сердце остановилось, как будто его ударили в грудь. Остекленевшим взглядом он уставился в пространство, мечтая унести прочь, отчаянно желая услышать голос Наины, почувствовать ее рядом с собой.

Нет. Он мог допустить повторения этого. Он чувствовал себя таким пристыженным, таким бесполезным... Наина была бы им разочарована.

– Что я могу сделать? – выкрикнул он в тишине пустого дома.

«Сейчас не время сдаваться, Мукеш».

Мукеш остолбенел, понимая, что его разум и досада сыграли с ним злую шутку, но ощущение было такое, что Наина произнесла эти слова.

«Каждому иногда нужно попросить о помощи, Мукеш», – снова донесся до него голос, и он почувствовал, как волосы встали дыбом. Она была права, она всегда была права.

Его сердце сжалось при мысли о Прие, сидящей в кресле или устроившейся на бабулиной стороне кровати с книгой,

находящейся за многие мили и многие миры от него.

– Нравится ли ей навещать меня? – спросил вслух Мукеш.

Он ждал, надеясь, что Наина вернется к нему и скажет, что все будет хорошо, но ответом была тишина.

Он сел в кресло перед телевизором и включил «Голубую планету». Обычно голос Дэвида Аттенборо, синий цвет моря, забавные звуки, издаваемые живыми существами, помогали ему сосредоточиться и расслабиться. Но сегодня он не мог сосредоточиться на словах ведущего, вернулся к холщовой сумке, достал «Жену путешественника во времени» и прижал к своей груди. Шаркающей походкой прошел в спальню и рухнул на кровать. Книга раскрылась у него в руках, и он позволил себе перенестись в мир Клэр и Генри; они были заранее предупреждены – их благословение и проклятие – о смерти Генри. Это было самое суровое предупреждение, какое человек может получить. Влюбленные знали, что их совместные дни сочтены, и ждали конца.

Но по собственному опыту Мукеш знал, что предупреждение никогда не давало утешения; маленький червячок страха проклюнется и в добрые, и в трудные времена. Бомба замедленного действия. Он вспомнил, как доктор усадил их с Наиной после последней диагностики.

– Мне жаль, миссис Патель, – произнес врач, его голос был твердым, но сквозь него слышалась дрожь. Доктор носил очки, аккуратно сидевшие на переносице. Он выглядел так, как, в представлении Мукеша, мог бы выглядеть их соб-

ственный сын, если бы он был. Но эта его фамильярность усугубляла ситуацию. Они всегда хотели, чтобы в семье был врач, для таких моментов, как этот. Специалист, который сказал бы им: «Не волнуйся, папа, врачи часто ошибаются».

Наина и Мукеш оба знали, что этот врач не ошибся.

Рохини приехала забрать их из больницы; она забросала их интересными фактами из новостей, стараясь смягчить царившую в машине печаль, но Мукеш и Наина сидели в тишине. Это был их момент – сродни тому моменту, когда Генри отправился в будущее и наблюдал собственную смерть. Они гадали, сколько времени осталось до того, когда этот день, наконец, наступит.

Несколько недель после того дня Мукеш лежал ночью в крошечной тьме рядом со спящей Наиной и прокручивал в голове слова: «Мне жаль, миссис Патель».

– Наина, – шептал он ей, – как мне поменяться с тобой местами? Как сказать Богу, чтобы он забрал меня вместо тебя? – Мукеш знал, что их ждет, точь-в-точь как знали Генри и Клэр. Но он отказывался признать себе в этом.

– Мукеш, – сказала Наина однажды утром, – нам надо поговорить о том, что нужно сделать после того, как... – Она сказала это мягко и в то же время очень серьезно. Жена причинила ему боль. Генри никогда не позволял Клэр задумываться о том моменте, о его смерти, не так ли? Мукеш уже не был уверен; его воспоминания о книжной истории слились с его собственной жизнью. Генри был Наиной, а Клэр – Му-

кешем. Тем человеком, который остался.

– Наина, – с улыбкой ответил он, – не беспокойся ни о чем, давай просто наслаждаться этим прекрасным днем. – Он всегда говорил одно и то же, независимо от того, была ли на улице гроза или ярко светило солнце.

– Нам надо поговорить о девочках, о том, что им понадобится. А также о Прие, Джае и Джайешу. У меня есть вещи, которые я хочу им подарить, когда они подрастут. Я должна тебе показать.

Мукеш только покачал головой, отпивая чай.

– Наина, все в порядке. Тебе надо отдохнуть, мы можем сделать это в другой день. Давай посмотрим какой-нибудь хороший фильм. – Слова лились из его рта, как водопад, пытаясь смыть практичность Наины.

– Мукеш. – Голос Наины был непреклонен. Каждые несколько дней она пыталась поговорить с ним, и каждый раз он от нее отмахивался. – Нам дано время, мы должны его использовать.

Несмотря на это, она ни разу не попыталась поговорить с ним о том, что он будет чувствовать, когда ее не станет, что ему следует сделать для себя, чтобы вернуть ее. Это было все, что он хотел знать.

Теперь он был один и по-прежнему без всякой подсказки, что делать ему теперь, когда она ушла. Мукеш остался один в бездушном, лишенном книг помещении, который когда-то был их домом. Наина придавала этому дому индивидуаль-

ность, ее присутствие ощущалось везде: разбросанные сари; безделушки, украшавшие каждую поверхность; кардиганы, брошенные на стульях; книги, оставленные в углу и нанизанные на столбики кроватей украшения.

Он отложил книгу, вскочил с кровати и открыл один из шкафов Наины, вытаскивая бесконечные сари более грубо, чем ему хотелось. Он убеждал себя, что ищет книги, чтобы дать Прие почитать, но на самом деле он надеялся, что это может вернуть ему Наину. Когда одно сари за другим падали на пол, он почувствовал теплый, затхлый запах ее духов. Он обволакивал его как облако. На мгновение она снова была здесь. Повсюду.

Он понапрасну упивался собственным горем – Рохини всегда хотелось крепко встряхнуть его и сказать:

– Папа, жизнь продолжается. Мама хотела бы этого.

Он лег на кровать, уставившись в потолок, и тут же пожалел о своем решении. Сможет ли он когда-нибудь снова встать? Он смотрел, как трещины на потолке разрастаются на глазах, как паутина заполняет каждый угол комнаты, как тени, проникающие сквозь оконное стекло, превращаются в толстые чернильно-черные линии, и ждал, ждал, когда эта чернота захватит его, обволакивая сознание. Он снова вспоминал Генри и Клэр, то время, когда лежащая рядом жена была не просто мечтой убитого горем человека.

Список для чтения. Крис. 2017

Он заставил себя встать с кровати, голова была тяжелой от сна. Но это было достижение: впервые за много недель он проснулся раньше полудня. Потом почувствовал рядом с собой пустое место – сторона кровати, которую раньше занимала Мелани – и ему сразу же захотелось, чтобы земля, матрас поглотили его целиком и избавили от боли. С пола с издевкой взидала стопка детективов, начинающая покрываться пылью.

Обычно книги помогали Крису выйти из депрессии. Но когда после разрыва он впервые взял в руки роман и столкнулся там с женщиной-детективом, умной, высокой, элегантной и красивой, то все, о чем мог думать, – Мелани. Она тоже была умной, высокой, элегантной и красивой. Он с досадой захлопнул книгу, расфокусированным взглядом уставился в потолок и провел так остаток ночи, а в голове проносились ее образы. Мелани счастливая, Мелани грустная. Мелани, Мелани, Мелани...

Сегодня он твердо решил выбросить Мелани из головы; избавиться от смятения, слабости, попытаться выстроить «эмоциональную связь» с людьми. Ему было необходимо спрятать все это в маленькую коробочку с крошечной деревянной крышкой. Он надеялся и молился, чтобы нечто удерживало эту коробочку закрытой. Ему нужно было всего

несколько часов, чтобы забыться, стать другой версией себя.

Итак, он натянул на себя брюки, сегодня свежевыстиранные, и новую футболку, только что из шкафа, и отправился на Хэрроу-роуд. У него было книжное затишье, но все равно каждый день он тащился в библиотеку – маленький оазис в этом одиноком городе. Со времени их разрыва его телефон разрывался от сообщений друзей: «Привет, не хотите с Мелани поужинать с нами сегодня вечером?», «Привет, Крис, пойдем гулять. Джоанна скучает по Мелани и по тебе!», «Как дела? Как новая работа Мелани? Надеюсь, вы оба в порядке. Скучаю».

Мелани, Мелани, Мелани. Все любили Мелани, он любил Мелани. Но в библиотеке, по крайней мере, он мог отдышаться, отвлечься от наплыва сообщений, просто немного побыть собой.

Сегодня, когда он сел на свое обычное место, то кое-что заметил – книгу, лежащую на столе. Некоторые люди были небрежны, набирали горы книг «для ознакомления» и никогда не возвращали ненужные книги на их законные места, перекладывая это на плечи библиотечного персонала. Он сделает доброе дело – вернет книгу на полку.

Но когда он взял экземпляр в руки, то заметил приклеенный к столу стикер. Он осторожно отклеил его и поднес к глазам. После многочасового чтения в тускло освещенной квартире его зрение упало. Листочек был исписан аккуратным, затейливым почерком.

Я знаю, для вас это будет необычное чтение, но я прочитала «Убить пересмешника», когда мне был двадцать один год и я переживала тяжелое время – тогда она многому меня научила, и я снова увидела мир, добро и зло глазами ребенка. Это было для меня спасением, я с головой окунулась в мир, в его несправедливость, в его персонажей, и это была необходимая передышка от собственной жизни. Книга научила болеть душой за других. Я надеюсь, что она сможет стать передышкой и для вас. Иногда книги на некоторое время уносят нас прочь, чтобы возвратить обратно с новой перспективой.

Крис отвел волосы с глаз. На записке не было имен – ни автора, ни адресата, она могла предназначаться любому. Тогда как ему объяснить то внезапное чувство, что кто-то прочитал его мысли. Он снова посмотрел на книгу, вглядываясь в название «Убить пересмешника». Кто бы ни написал эту маленькую записку – неужели тот человек знал, что он сидит здесь день за днем, часами упиваясь собственным горем?

Он крепко сжал книгу в руках, словно она может ожить и все ему объяснить. Но ничего не произошло. Никто не выскочил из-за полки и не сказал, что он попал в комедийное шоу, в эпизод «Крис, это твоя дерьмовая жизнь». Но некто сообщал ему, что понимает, через что прошел Крис.

Он думал подождать, отложить книгу на черный день... но сегодня был день, когда он поклялся отвлечься.

«Убить пересмешника» жгла ему руку: прочти меня, про-

чти меня, прочти меня. Эта книга была знаком – иного объяснения не было. Он открыл первую страницу и, забыв про негромкий библиотечный гул вокруг, был поражен, что слова не скачут и не убегают от него. И вскоре превратились в образы. Когда рассказчица Джин-Луиза Финч познакомила Криса с домом своего детства, с городком под названием Мэйком, в штате Алабама, он почувствовал, как из горла у него вырывается смех – забавные причуды жителей города, детская непоседливость ее брата Джима и их друга Дилла... это был другой мир, и молодой человек был так рад этому. Когда он дошел до двадцать седьмой страницы, что произошло раньше, чем он мог себе представить, он обнаружил еще одну записку, в котором был целый список книг для чтения, «Убить пересмешника» была первой. Эта книга вытеснила Мелани из его мыслей и заключила ее в ту маленькую коробочку с крохотной деревянной крышкой. Он не чувствовал, что боль и сомнения бурлят в его жилах. Первые двадцать семь страниц дали ему то, чего он не чувствовал с момента их разрыва – надежду.

Список был для него – он знал это.

Крис думал о надписи на самом верху: «Вдруг тебе это пригодится». Он никогда не нуждался в этом больше, чем сейчас.

Часть вторая. «Убить пересмешника». Харпер Ли

Глава 4. Алейша

Когда Алейша шла домой из библиотеки до нее доносились звуки из парка: играющие дети, голоса компании ее ровесников, которые смеялись и курили. Она подумала, нет ли среди них кого-нибудь знакомого. Ей очень хотелось погулять в парке, выкурить сигарету, но она обещала маме быть дома и приготовить ужин. Она знала, что ей опять захочется ее любимых макаронных колечек на тостах. Но она просила их приготовить каждый день две недели подряд, а Алейшу уже тошнило от них. Сейчас ей хотелось жаркого из баранины с клецками – фирменное блюдо дяди Джереми, ничего, что стояла середина лета и было изнуряюще жарко.

Она послала СМС своей кузине Рэйчел с просьбой прислать рецепт (дядя Джереми совершенно не умел пользоваться телефоном) и почти сразу же получила ответ – фото-

графию рецепта дяди Джереми, нацарапанного на страницах кулинарной книги Делии Смит¹⁴. «Папе лучше знать, чем Делии», – написала Рэйчел. Мать Алейши обожала брата Джереми и любила его стряпню, поэтому девушка решила, что этот рецепт сможет разбавить их макаронную рутину, такую желанную на этой неделе. В груди кипело беспокойство, она перебирала в голове благоприятные и неудачные варианты развития событий. Например, может подгореть жаркое, срабатывает пожарная сигнализация – это вызовет гнев и тревогу у Лейлы, огорчит ее. Если же жаркое получится не хуже, чем у дяди Джереми, то могут быть и негативные последствия. Может, Лейле будет невыносимо, что кто-то другой готовит жаркое ее брата? Что, если она замкнется в себе еще на долгое время? Алейша сделала глубокий вдох, чувствуя, как горячий летний воздух наполняет ее легкие, и сосредоточилась на рецепте – надо действовать по порядку.

Она увеличила изображение неразборчивого почерка дяди Джереми и нашла список ингредиентов, заглянула в супермаркет. Алейша бродила по магазину, выбирая нужные овощи, перепроверяя и вновь сверяясь со списком, стараясь расшифровать заковыристый почерк.

Она расплатилась с парнем за кассой и вышла, печатая сообщение Рэйчел: «Спасибо большое. Уверена, маме должно понравиться, это лучше, чем макаронные колечки».

¹⁴ Делия Смит – английский повар и телеведущая. Автор главных кулинарных бестселлеров в Британии.

Рэйчел набирала ей ответ, потом остановилась, потом начала снова, но нового сообщения на экране телефона так и не появилось. Алейша продолжила смотреть на экран, потом напечатала: «Ты как?», но остановилась и стерла сообщение. Ее кухня, вероятно, занята. У нее нет времени на непринужденную беседу. Алейша сунула телефон обратно в карман.

Купив исландской баранины, она пошла по оживленной, шумной главной улице, что заняло у нее на пять минут больше, чем обычно. Она поступила так отчасти потому, что не любила более короткий маршрут, утыканный вечно переполненными мусорными баками, тошнотворно воняющими после жаркого дня. Но главным образом она просто пыталась оттянуть момент возвращения домой. Дом. Интересно, что означает это слово для других людей?

Когда она повернула за угол, то, как и ожидала, увидела наглухо закрытые окна их дома. Окна в других домах были широко распахнуты, из них доносились звуки телевизора, крики детей, играющих в приставки, шум домашних застолий. Ее мать Лейла готова была плавиться от жары, но не позволила бы воздуху с улицы попасть внутрь, и наоборот.

Алейша отперла дверь осторожно, словно одно неверное движение могло вызвать пожар. Эйдан ушел, как только часы пробили шесть, возвещая об окончании его смены. Иногда он проводил дежурство на улице, в своем кабриолете, на покупку которого он занял деньги у мамы, и слушал музыку, ревущую из динамиков. Мама никогда не возражала. Она

едва это замечала. Эйдан был ее «золотым мальчиком». Соседи иногда орали из окон, веля ему, черт возьми, заткнуться, а он кричал им в ответ, что это свободная страна. Так он поступал, когда рядом были его друзья, ведь они ожидали от него чего-то подобного. В остальных случаях он приглушал музыку до приемлемого уровня и продолжал заниматься своими делами.

Алейша оставила пакет с покупками на кухонной стойке и поплелась наверх, к матери, зная, что она будет в той же комнате, в той же позе, в какой оставила ее утром. Собравшись с духом, она повернула ручку двери.

Свернувшись калачиком, Лейла лежала на кровати, укутанная толстым зимним пуховым одеялом. Только лишь взглянув на нее, Алейше уже стало жарко. Глаза Лейлы были закрыты, дыхание – глубоким, но она не спала. Сегодня был еще один скверный день для Лейлы, но в прошлом бывали дни и похуже.

– Мам, я хочу приготовить на ужин жаркое из баранины, хорошо? Такое, как любит готовить дядя Джереми.

– Хорошо, милая. – Глаза Лейлы оставались закрытыми.

– Хочешь, открою окно?

Лейла еще сильнее укуталась в одеяло, глубже зарываясь в постель, словно слова Алейши вонзились в нее, как раскаленные добела кочерги.

– Догадываюсь, что это означает «нет».

Алейша вышла и закрыла за собой дверь, неожиданно

пульсирующая боль в висках вернулась. Эта комната уже начала действовать ей на нервы, поэтому она поспешила вниз, чтобы отвлечься. Ей хотелось пулей вылететь из дома. Хотелось запереться в кабриолете Эйдана и врубить музыку на полную мощность. Хотелось, чтобы соседи орали, вопили на нее во всю глотку. А она орала им в ответ.

Вместо этого Алейша проскользнула на кухню, высыпала на столешницу продукты из пакета и с натренированным спокойствием принялась наводить порядок. Она вспомнила, как Рэйчел и Джереми всегда подготавливали ингредиенты прежде, чем начинали готовить, словно они шеф-повара на кулинарной передаче. Алейша втянулась: нарезка, шинкование, взвешивание ингредиентов – эти простые манипуляции помогли ей на чем-то сосредоточиться. Она посмотрела на часы – уже половина восьмого. Взгляд соскользнул на керамическую тарелку с изображением Кролика Питера из книги Беатрис Поттер¹⁵, висящую под часами, на самом почетном месте в кухне. Эйдан выиграл ее лет в десять за то, что нарисовал (довольно заурядную) картинку с кроликом Питером для школьной ярмарки. С тех пор тарелка тут и висит.

Липкими от лука пальцами она потыкала в телефон, желая узнать, не было ли вестей от Эйдана, сообщающих, когда он будет дома. Новых сообщений не было.

В раздражении она закинула голову назад, снова посмот-

¹⁵ Беатрис Поттер (1866–1943) – английская детская писательница и художница.

рела на улыбающегося, беззаботного Кролика Питера, трясущего своим маленьким задом с пушистым хвостиком.

– Алейша! – раздался хриплый, умоляющий голос Лейлы. Алейша почувствовала, как в животе у нее поднимается знакомый страх.

– Что такое, мама?

– Ты мне нужна. У меня ноги сводит.

– Тебе надо их размять, – пробормотала себе под нос Алейша.

– Пожалуйста, подойди.

Алейша поднялась по лестнице.

– Мама, тебе просто нужно размять ноги. – Она говорила мягко, стараясь, чтобы раздражение не было слышно в голосе.

– Я не могу сделать это сама. Как я могу размяться?

– Вот как, – ответила Алейша, на цыпочках входя в комнату матери. Она села на пол и продемонстрировала, как надо вытянуть ноги и ступни. Лейла наблюдала за ней, потом осторожно пошевелила ногами, пытаясь повторить движения, потом громко вздохнула и уронила руки на кровать.

– Я не могу.

Алейша встала.

– Можешь. Все могут, – ободряюще улыbnулась она. – Это как йога для начинающих. – На миг она затаила дыхание, испугавшись, что зашла слишком далеко и сейчас не время для шуток.

Лейла нахмурилась.

– Может, тебе стоит попробовать йогу? – беспечно сказала Алейша. Она села на пол и вновь приняла ту же позу. – Размять тело.

Алейша почувствовала, как ее сердце забилося тише. Приподняв брови, Лейла издала напряженный звук, повторила позу дочери, и ее конечности вдруг ожили. Потом девушка заметила, что лицо матери дернулось, когда судорога пронзила ногу, но Лейла продолжала разминаться. Она сложила большой и указательный пальцы в колечко и начала напевать мантру «Ом».

Алейша закрыла глаза, сложила ладони вместе и заговорила возвышенным голосом наставника:

– Надеюсь, вам понравилась сегодняшняя практика.

Девушка хлопнула себя по колену, посмеявшись над мамой и собой. Ее мама ни за что бы не попала на занятие йогой. Она примостилась в ногах материнской кровати, пока та продолжала тянуться. Потом Лейла от души выдохнула:

– Намасте¹⁶.

– Надеюсь, это прочистило твои чакры.

Лейла схватилась за левую ногу, несколько раз потрогала ступню.

– Да, мои чакры в порядке.

– Тогда не будем делать «Собаку мордой вниз»¹⁷.

¹⁶ Намасте – индийское приветствие.

¹⁷ Упражнение в йоге.

Лейла захихикала, зажмурив глаза, в то время как глаза Алейши широко раскрылись и она тоже засмеялась, чтобы скрыть удивление. Через мгновение их смех перерос в истерику. Голова Лейлы откинулась назад, рот был открыт, она хохотала как школьница. Алейша наблюдала за ней. Солнце, пробившееся через щель в занавеске, освещало полосу на лице Лейлы. Кожа выглядела яркой, сияющей. Мама выглядела счастливой. Алейша сделала мысленный снимок. Ей хотелось остановить мгновение. Отсмеявшись, они сели рядышком в относительном покое, лишь изредка всхлипывая от смеха.

Когда все стихло, она инстинктивно протянула руку к матери, но Лейла, резко дернувшись, отпрянула, не дав до себя дотронуться.

На следующее утро Алейша услышала, как ее брат возится на кухне. Через неплотно прикрытую дверь в ее комнату проник запах масла. Потирая глаза, она выкарабкалась из постели. Голова болела, и уже ощущалось приближение утомительной жары. Она быстро проверила телефон, стараясь игнорировать многочисленные сообщения в школьном чате, которые сопровождались фотографиями, на которых друзья на каникулах пьют коктейли на пляже. Она подумала, не написать ли опять Рэйчел? Просто поблагодарить за рецепт, в итоге мама съела даже больше, чем ожидалось, но потом передумала. Рэйчел не нужны благодарности. Они – одна се-

мья.

Шлепая по линолеуму тапочками, она вошла к Эйдану на кухню.

– Приветик, Лейш, не видел тебя вчера вечером. Как работа?

– Если честно, хреново.

Эйдан посмотрел на нее, слегка приподняв брови, как бы говоря: «Давай, рассказывай».

Алейша вздохнула, не очень-то желая переживать все снова.

– Пришел один старик, ей-богу, лет под девяносто, и просил порекомендовать ему книги, ну и... понимаешь, меня ведь книги не интересуют. – Алейша подняла взгляд на брата, но тот молчал. – Я сорвалась на него.

– Алейша!

– Знаю. Не заставляй меня чувствовать себя еще хуже.

– Ладно, не бери в голову. Когда я там работал, то разозлил уйму людей... может быть, не так, как ты... но извлеки из этого урок. Как говорит дядя Джереми: «Просто сделай лучше в следующий раз».

– Да ладно, ты не мама... и не дядя Джереми. Мне не нужны твои наставления. Ты сегодня дома? – неуверенно спросила Алейша, отмечая его фартук, халат и тапочки.

– Да, сегодня у тебя выходной. Повидайся с друзьями. Я останусь с мамой. Кажется, у нее опять была плохая ночь – просыпалась несколько раз.

На тарелке Эйдана лежали, остывая, три толстые маслянистые колбаски. Алейша подхватила одну длинными ногтями, стараясь, чтобы колбаска не касалась кожи, и поднесла ко рту.

– Осторожнее, Лейш! У тебя масло капает на пол. – Эйдан присел на корточки с куском бумажного полотенца и стал вытирать желтые капли. – Сходи сегодня погуляй. Подыши воздухом.

– Да у меня нет никаких планов. Просто зависну дома, посмотрю телевизор.

– Нет, Лейш. Маме не понравятся громкие звуки. У нее мигрень. – Эйдан хмуро смотрел на нее, под глазами у брата залегли глубокие фиолетовые тени. – Я буду здесь, не беспокойся.

Пожав плечами, Алейша как можно быстрее проглотила колбаску; Эйдан наблюдал за ней с отвращением.

– Все в порядке, – сказала она с набитым ртом. – Правда. У меня нет никаких планов, я останусь здесь. Буду тихо сидеть в своей комнате – ты даже не заметишь моего присутствия.

Внезапно сверху раздался крик Лейлы.

– Замолчи! Алейша, замолчи!

Алейша и Эйдан посмотрели друг на друга, их лица вытянулись, а улыбки исчезли. Девушка не удивилась. Вчерашний вечер, хихиканье, йога... они ничего не изменили. Ничего никогда не изменится. Толстый черный занавес всегда

будет между ними и внешним миром, окутывая дом, на этот раз не давая вырваться Эйдану. После нескольких секунд молчания, когда они боялись даже дышать, Эйдан, наконец, покачал головой, как бы говоря: «Она не хотела тебя обидеть». Брат не стал произносить это вслух, поскольку не был уверен в своих словах.

– Мне уйти? – резко спросила она по-прежнему шепотом, не желая производить громких звуков.

– Лейш, ты можешь остаться, но придется вести себя тише воды, ниже травы.

Алейша пожала плечами.

– Только нам приходится мириться с этим дерьмом. Тебе не противно? – Она была измучена – измучена необходимостью все время быть начеку, устала слушать, как мама плачет по ночам, и притворяться, что ничего не слышит, предоставляя Эйдану все улаживать. Устала от своей ненужности. Устала быть триггером. Устала.

Эйдан ничего не ответил. Он протирал кухонные поверхности, но они и так были безупречно чистыми.

Когда за Алейшей с шумом захлопнулась входная дверь, в ее голове раздался голос Лейлы: «Это мой дом, а не твой!»

Все возвратилось на круги своя.

Ей было некуда идти, но лучше никуда, чем домой.

Не раздумывая, она позволила ногам вести ее. Она шла медленно, мимо расставленных торговых прилавков, не об-

ращая внимания на крики продавцов фруктов: «Цены, невиданные цены!». Это ее не привлекало. Она шла мимо детей на велосипедах, которые не глядя переезжали через дорогу, поворачивая голову на сто восемьдесят градусов, чтобы увидеть друзей, едущих за ними.

С каждым шагом по улице Илинг-роуд, а потом – вдоль главного шоссе, она все дальше и дальше удалялась от дома. С каждым шагом чувствовала, как успокаивается сердцебиение. Она толком не знала, куда идет, пока перед ней не выросло здание, похожее на маленький коттедж в стиле Тюдоров, выглядящее здесь совершенно неуместно.

Конечно, ее подсознание привело ее сюда – в библиотеку. Единственное место, где можно немного побыть в тишине и одиночестве. Может быть, это не самая худшая идея. Если книги и впрямь помогут ей забыться, то читать, по крайней мере, дешевле, чем напиться.

Сегодня за библиотечной конторкой сидел паинька Кайл. Пройдя через двери, Алейша кивнула ему в знак приветствия, проигнорировав написанное на его лице удивление, и начала бродить между книжными стеллажами. Она пришла в секцию детективов и триллеров, размышляя, не подействовали ли на нее слова того парня, Любителя детективов. Она рассматривала корешки книг, сверкающие в солнечном свете. Провела кончиками пальцев по каждой книге, но ни одну не взяла с полки. В конце концов красные, синие, желтые корешки слились в одну большую книжную мас-

су и потеряли для нее всякий смысл. В библиотеке было тихо, но в ушах у Алейши звенело. Слова вырывались наружу: «Смерть», «Убийство», «Киллер». Были и более вкрадчивые, наводящие жуть названия вроде «Я слежу за тобой»... Все это было уже слишком. Как он это делал? Как сохранял хладнокровие здесь, в этом пространстве, в окружении этих жутких слов? Она побарабанила пальцами по ноге, стараясь выглядеть так, будто понимает, какого черта она здесь делает.

Завибрировал телефон.

Снова чат в Ватсапе: они создали его, когда им было по четырнадцать лет, но Алейша уже несколько недель не участвовала в этой переписке. Никто и не заметил ее отсутствия. Сейчас они получили сообщение от Мии. Когда-то она была лучшей подругой Алейши.

@Бэт @Лола @Кейси вы дома?

Что делаете сегодня вечером?

Две другие девушки, Дженна и Шрия, были на каникулах, они без устали присылали фотографии у бассейна из Айя-Напы и Хорватии.

Их прохладное отношение сильно задевало Алейшу, даже после того, как она неделями придумывала оправдания своим друзьям. Она прославилась тем, что выходила из игры в последний момент, ссылаясь на болезнь, пищевое отравление, головные боли и таким образом пропускала празднования дней рождения и посиделки в парке. Быть ненадежной и непредсказуемой было легче, чем сказать правду: она не хотела, чтобы они узнали, что ее мать выжила из ума. Они бы никогда не поняли.

Бэт, Лола, Кейси и даже Дженна – все немедленно откликнулись.

Дзынь.

Я рядом, давайте что-нибудь замутим.

Дзынь.

Скучаю по вам, девчонки, веселитесь без меня.

Мысленно с вами.

Дзынь.

Да, куда пойдём?

Стены библиотеки начали давить на Алейшу, корешки книг увеличивались в размерах, делались тяжелее. Книга за книгой. Ее подруги продолжали жить без нее, словно Алейши больше не существует. Сообщение за сообщением, смайлик за смайликом. Счастливые. Им не о чем было беспокоиться, ведь сейчас лето. Впереди прекрасное будущее. Лучшее время в их жизни.

Она протиснулась сквозь стеллажи и вышла на открытое пространство. Ей нужно было глотнуть воздуха, наполнить легкие кислородом. Алейша перевернула телефон и уставилась на чехол с арбузным принтом. Из чехла торчал листок со списком книг.

Опять. Эта книга. Первая книга в списке. «Убить пересмешника». В памяти возник образ Лейлы, вчера заливающуюся хохотом, ее сегодняшние вопли с утра и рыдания в ночи. Глаза Эйдана с темными кругами, его неспособность сказать сестре что-то ободряющее. Мысли сводили ее с ума, нужно куда-то уехать, оставить Уэмбли, оставить семью, оставить все. Интересно, могла ли книга сотворить такие чудеса? По крайней мере, с нее можно начать.

Она нашла кресло (на самом деле это было кресло того парня, Любителя детективов) опустилась в него, спрятав телефон в сумку. Кресло было местами потертым, подлокотники начали облезать, но в нем было удобно. Солнце освещало страницы книги. Если она собирается это сделать, то выбранное место казалось подходящим для того, чтобы открыть первую главу. Подходящими были и открывающийся вид из окна, и окружение. Но только она собралась приступить, настраивая себя на полное погружение, как тишину пронзил громкий и покровительственный голос Кайла. Тот общался с очередным бестолковым и раздражающим клиентом по телефону. В любом случае это было лучше, чем иметь дело с бестолковым и раздражающим клиентом вживую. И что же Эйдану так нравилось в этой работе?

– Нет, сэр. Я думаю, мне придется оштрафовать вас за книгу, если вы унесли ее из библиотеки без оформления. – Брови Кайла сердито сдвинулись. – Извините, сэр, не могли бы вы повторить это помедленнее? – И через секунду: – Есть

у вас читательский билет?

Алейша не могла игнорировать этот разговор, Кайл говорил чертовски громко.

– Простите, сэр, я не понял. Когда это было? Вчера? Гм, да, спасибо, сэр, что поставили меня в известность. Я разберусь и посмотрю, что можно сделать. Если у вас нет читательского билета, давайте я оформлю его сегодня и возьму для вас книгу. Я прослежу за тем, чтобы мои коллеги не оштрафовали вас, когда книга вернется.

Алейша вжалась в кресло, застыв, пристыженная. Перед ее мысленным взором возник вчерашний старик, как он стоит перед ней, прося о помощи. Она слышала свой резкий голос, отвечавший ему, что помочь она ничем не может. Алейше хотелось бы, чтобы кресло поглотило ее целиком.

Кайл положил телефонную трубку обратно, вскочил с места и завертел головой, как сурикат. Он кого-то выискивал... ее.

Алейша старалась пригнуться еще ниже. Но это было бесполезно: Кайл точно знал, где она находится.

– Привет, Кайл, что случилось? – проговорила она, когда он приблизился.

– Вчера ведь была твоя смена? – спросил он.

– Да.

– Я сейчас говорил по телефону с одним милым пожилым человеком, он был, мягко говоря, расстроен, сказал, что ты выдворила его из библиотеки. Это правда? – Он выбрал для

беседы «авторитетный» тон, которым пользовался во время отсутствия Термоса, чтобы показать свою ответственность.

– Все было не совсем так. Он хотел, чтобы я порекомендовала ему книгу. Я не даю таких рекомендаций.

– Тебе придется это делать. Ты хочешь сохранить эту работу?

Она не хотела, но нуждалась в ней. Ей нужно было помочь Эйдану. Лейла была художником и дизайнером – обычно она работала с рекламными агентствами по всему миру и зачастую была завалена работой. Но предложения поступали волнами. И ее доход был нестабильным, особенно когда у нее была черная полоса. Алейша не могла потерять эту работу. Больше ей идти было некуда. Она понимала, что при всех недостатках, библиотека становилась ее убежищем от хаоса, который царил у нее дома.

Она кивнула.

– Ты знаешь, сколько людей могли бы здесь работать, сколько людей по-настоящему хотели бы здесь работать?

Алейша покачала головой.

Кайл продолжал, раздуваясь от важности:

– Очень много, откровенно говоря. Дев всегда говорит, что мы должны делать все возможное, чтобы люди были счастливы, при необходимости давать книжные рекомендации, обеспечивать полный сервис, иначе мы потеряем своих завсегдатаев. Если ты не начнешь выполнять свою работу, то будешь уволена или, хуже, библиотеку закроют – и тогда

работу потеряем мы все.

Алейша не верила. Устроиться сюда на работу было очень легко. Но она действительно не могла потерять работу, и ей было страшно подумать, что по ее вине волонтеры Люси и Бенни потеряют свое любимое место. И за Кайла, как бы сильно он ее ни раздражал, – он потеряет единственное место, где мог почувствовать себя боссом и всеми командовать. За Дева, который готов буквально на все, чтобы сохранить библиотеку Хэрроу-роуд на плаву. Она представила это симпатичное здание с заколоченными окнами и объявлением от местного совета, направляющим посетителей в библиотеку административного центра. Это было бы неправильно. Хотя у них никогда не было большого наплыва посетителей, люди любили эту библиотеку. Она вспомнила, как Эйдан повторял за дядей Джереми: «Сделай лучше».

– Если тот мужчина подаст Деву официальную жалобу на тебя, то ты уволена.

Алейша поерзала на сиденье.

– Послушай, вообще-то я сегодня здесь отдыхаю, а не работаю, так что не мог бы ты приберечь это...

– И это просто ужасно – нагрубить восьмидесятилетнему старику. Я не знаю, что у тебя там за неприятности, Алейша, – тон Кайла немного смягчился, – но постарайся быть приветливой с людьми. Простая улыбка или приветливое лицо могут поднять человеку настроение. А ты его испортила. Стоило ли оно того? Испытала ли ты удовлетворение?

Алейша снова помотала головой, не в силах произнести и слово, чувствуя себя маленьким ребенком, которого отчитывают за драку.

– Вот именно. Если увидишь его снова – порекомендуй ему книгу.

– Я же пыталась, а он убежал! – вмешалась Алейша, но Кайл проигнорировал ее, продолжая свою заранее отретпетированную речь.

– Почитай что-нибудь. – Он указал на «Убить пересмешника» в ее руке. – Если тебе понравится, тогда посоветуй ему это прочесть. Это же просто. Прочти книгу. Порекомендуй книгу. Знаешь, даже если она тебе не понравится, все равно порекомендуй. Вкусы у всех разные, и, как говорит моя бабуля, «нищие не выбирают».

Алейша вздохнула и наблюдала, как Кайл с важным видом отходит обратно к своему столу, очевидно ощущая себя боссом.

Она снова вернулась к книге и открыла ее наугад, где-то в середине. На корешке были заломы в нескольких местах, но ей хотелось оставить на книге свой след, и она согнула ее пополам. Это оказалось не так приятно, как она ожидала. Книга была мягкой, податливой... тепло библиотеки превратило клей в желе.

Она вернулась к первой странице. Но все время ее что-то отвлекало, девушка то потеревит страницы, то уберет волосы, беспорядочно падающие на лицо, то почешет нос. Она не

воспринимала текст. Алейша фокусировала взгляд на словах перед ней, но сосредоточиться не получалось.

Она была дурой, неудачницей. Сдавшись, она вжалась в выцветшее оранжево-розовое кресло и обвела глазами комнату. Несколько человек читали и просматривали книги. Это были настоящие читатели, люди, которые ощущали себя на своем месте. Книжные черви. Книжные фанаты.

– К черту! – прошипела она себе под нос, собрала вещи и запихнула их в сумку. Книга по-прежнему лежала на столе. Она не знала, забрать ее или оставить. Девушка огляделась, а потом сунула в сумку и книгу.

Писк библиотечной сигнализации сопровождал ее выход, ведь в сумке лежала украденная ею книга.

Глава 5. Мукеш

Мукеш лежал на спине, когда позвонили в дверь. Он что, уснул? Роhini и Прия должны были появиться только через несколько часов, во всяком случае, ему так казалось. Он с трудом поднялся, поскрипывая и кряхтя, спина не разгибалась. Ему захотелось выругаться, но Мукеш не стал этого делать.

Он с нетерпением ожидал встречи с внучкой и с дочкой. Но он знал, что вихрь по имени Роhini вот-вот настигнет его... И хотя он уже много раз переживал его, сейчас был не уверен, что готов к нему после бесцельно прожитого дня. Раньше пятница была днем отдыха, днем, когда они с Наиной посвящали самим себе. Теперь по пятницам он обычно ничего не делал.

Мукеш медленно поплелся вниз по лестнице, держась за перила по обеим сторонам. Знакомый Роhini, мастер по ремонту, установил перила на другой стороне лестницы, чтобы Мукеш чувствовал себя устойчивее. Он немного стыдился этого. В редких случаях, когда к нему заходили не родственники, он, опережая их замечания, сам отпускал шутки по поводу этих перил.

Сквозь матовое стекло с морозным узором в центре входной двери он увидел голову и плечи женщины. Он узнал бы ее при любых обстоятельствах.

Он глубоко вздохнул и открыл дверь.

– Рохини, дочка! – воскликнул он, приветственно раскрывая объятия, стараясь, чтобы его голос звучал ясно и бодро.

– Папа, – ответила она, проходя внутрь, избегая его распростертых рук. За ней вошла Прия, крепко держа в маленьких ручках книгу.

– Прия, входи, дорогая.

Не тратя времени на приветствия, Рохини быстрым шагом протопала прямо на кухню и принялась шарить в шкафах. Несколько раз она неодобрительно поцокала языком. Мукеш перевел взгляд на Прию, надеясь обменяться с ней приветственными возгласами, но она уже забралась с книгой в кресло Наины, расположенное в гостиной.

– Папа! Что это? – позвала его Рохини. Она держала в руке пластиковый контейнер с рисом, который простоял у него в холодильнике несколько дней, а может, и больше. – Это отвратительно!

– Извини, дочка, поверь, я не собирался это есть.

– Никогда не ешь рис, которому больше одного дня, папа!

– Дочка, не волнуйся. – Он проковылял к ней, забрал у нее контейнер и выбросил его содержимое в ведро для пищевого мусора. – Готово! С глаз долой – из сердца вон. – Но Рохини уже направлялась к кухонной раковине.

– О-хо-хо, – озвучила она свое отвращение, точь-в-точь как это делала Наина. – Как долго стоят здесь эти тарелки, папа? Это же так негигиенично! У тебя опять заведутся му-

равьи – они обожают такую жаркую погоду.

– Рохини, прошу тебя, дочка, присядь, а я приготовлю тебе чаю.

– Нет, папа! Я должна все это перемыслить. Ты думаешь, я прихожу ради чая? Я прихожу, чтобы позаботиться о тебе. Хорошо, что мама этого не видит.

Мукеш понимал, что последняя фраза вырвалась у нее только от разочарования, но тем не менее больно ранила. Он заметил, что за последний год Рохини упоминала маму только для того, чтобы упрекнуть его, что он живет в свинарнике.

Он слишком устал, чтобы спорить. Вместо этого он побрел в гостиную и тяжело опустился в кресло, стараясь не обращать внимания на непрерывные ворчания и стоны Рохини, которая обнаружила трещины в дверце шкафа («Я же говорила, что могу позвать кого-нибудь, чтобы починил! Это почти новая кухня, как можно доводить ее до такого состояния, папа!»), многочисленные банки бобов маш в холодильнике («Папа, очень вредно для здоровья, если ты ешь только это! Я знаю, мама всегда говорила, что в них много клетчатки, но ты должен питаться сбалансированно, папа, как велел тебе доктор!»), три пустые упаковки из-под его любимого пакетированного чая в мусорном ведре («Папа! Ты испортишь остатки зубов, да и для твоего диабета это нехорошо! Мама говорила, этот чай только для особых случаев. Я же показывала тебе, как заваривать листовой чай».)

Больше всего на свете ему хотелось, вместо того, чтобы

страдать от хруста в суставах и ухудшающегося зрения, он начал терять слух. В его семье, где каждая из дочерей любила говорить на тысячу децибел громче обычного человека, это было бы особенно полезно.

– Что ты читаешь, дорогая? – спросил Мукеш у Прии, в то время как Рохини металась по дому, обыскивая его сверху донизу, словно ищейка, выискивая, на что бы еще пожаловаться. В гостиной же стояла гробовая тишина.

– «Маленькие женщины», деда, – ответила внучка, не отрывая глаз от страницы. – Это одна из книг, которые порекомендовала бабуля. Она сказала, что читала ее маленькой девочкой. Папа купил мне ее на прошлой неделе.

– Я о такой не слышал, – честно признался Мукеш, но взял книгу себе на заметку – теперь, когда у него есть читательский билет, он может и должен обращать внимание на такие вещи...

– Это очень известная книга, деда. Все ее знают, – сказала девочка, по-прежнему не поднимая глаз, но брови насмешливо изогнулись.

– О чем она? – спросил Мукеш, немного нервничая и помня слова, сказанные ею на днях: «Ты не читаешь книг, деда... Тебя это вообще не интересует!»

– Не мешай, деда, я пытаюсь читать. Я расскажу тебе в другой раз, – осадила его Прия, и Мукеш сделал, как было велено. Наина немного походила на нее, когда читала – может быть, когда-то и он их поймет.

Он помнил вечера, когда дети ложились спать и он читал газету рядом с Наиной, которая с бешеной скоростью перелистывала страницы книги. Он поглядывал на нее, пытался вовлечь в разговор, дожидаясь, когда она поймет, что он за ней наблюдает.

– Мукеш, что ты делаешь? Ты же видишь, я читаю, – отчитывала она его, но при этом улыбалась.

– Я просто хотел зачитать тебе кое-что из газеты. Это очень интересно.

– Мукеш, я как раз добралась до самого интересного места. Ш-ш-ш, – говорила она.

Жена всегда добиралась до интересного места. Поначалу Мукеш думал, что в книгах интересные места встречаются каждые две-три страницы, а потом начал задаваться вопросом, не было ли это просто отговоркой.

Он наблюдал за ней, облаченной в бело-голубую ночную рубашку, с аккуратно сидящими на носу очками в толстой оправе и гладко зачесанными назад черными волосами, стянутыми сзади в маленький пучок. Она предстала перед ним двадцатилетней, тридцатилетней, сорокалетней, пятидесятилетней, шестидесятилетней, семидесятилетней. На том же самом месте, произнося те же слова, получая тот же самый ответ – ритуал их жизни. На мгновение он почувствовал себя Генри из «Жены путешественника во времени», переносящимся сквозь десятилетия, чтобы навестить Наину на всех этапах ее жизни.

В те времена он никогда не задумывался, куда она уносилась, углубляясь в чтение. Ему просто нравилось видеть сосредоточенность на ее лице. Иногда она улыбалась только уголком рта, а иногда запрокидывала голову, прищулив глаза, фыркала от смеха, постукивая Мукеша по плечу, как будто это он пошутил. В те времена ему было достаточно видеть ее счастливой. Но теперь, когда ее не стало, он жалел, что не старался быть с ней каждую минуту.

– Папа, – позвала Рохини. Ее голос был близко, в спальне на первом этаже. – Ты можешь сюда подойти?

Мукеш посмотрел на Прию, надеясь, что внучка придумает какой-нибудь предлог, чтобы он остался на месте, но она была поглощена «Маленькими женщинами». Выражение ее лица было точь-в-точь как у Наины.

– Хорошо, иду, – пробормотал он, с трудом поднимаясь из кресла.

Он встал в дверях спальни. Рохини стояла у шкафа, упревая одну руку в бок, а другой указывая на ручеек из сари, вытекающий на пол из-за закрытой дверцы шкафа.

– Что здесь произошло? – спросила Рохини, открывая дверцу и театрально охая. Сложенная одежда была в небольшом беспорядке.

– Мы с Вритти идеально сложили мамины вещи. Что произошло? Приходили еще, чтобы взять что-то на память о ней? – голос Рохини на последних словах сделался высоким и писклявым.

– Нет, я просто просматривал их, потому что...

– Эти ее подруги, они всегда завидовали маме, всегда хотели заполучить ее сари. Неудивительно, что они под видом соболезнований налетают, как стервятники... Хорошие друзья, ха, им нужны только ее вещи...

В голове Мукеша пронеслось воспоминание о Наине, наряженной для посещения храма. «Как я тебе? Небрежная элегантность?»

– Ну, – сказал дочери Мукеш, – у твоей мамы всегда были самые красивые сари.

– И, к счастью, у нее был глаз наметанный – иначе продавцы обобрали бы нас до нитки. Так, папа, ты говоришь, что это сделал ты? Помоги мне все прибрать, хорошо? – уже мягче сказала Рохини, и Мукеш, подчиняясь, вошел в комнату. Он сел на кровать и стал ждать, пока Рохини передаст ему что-нибудь, что он мог бы сложить, но вместо этого она продолжала сама наводить порядок, то и дело жуя его за то, что он его нарушил.

Рохини вытаскивала каждую вещь, даже ту, которая была в порядке и не нуждались в повторном складывании. Мукеш снова уловил слабый, но знакомый аромат Наины. Обычно он чувствовал запах ее духов, а теперь – ее шампуня. Забывшись на мгновение, он оглянулся через плечо, надеясь и молясь, что Наина пришла поздороваться.

Дочка перебирала сари, которые Наина надевала регулярно для похода в мандир или в магазин, они ассоциировались

у людей с его женой: ее цвета, парча, узор пейсли. На других сари были украшения, блески. Они были красивы и просты. Когда Рохини укладывала последнее сари, то провела рукой по ткани, ощущая кончиками пальцев все детали.

– Интересно, когда мама надевала его в последний раз? – вслух произнесла она. Ее голос смягчился, он больше не принадлежал Строгому Инспектору Вихрю.

Мукеш не ответил. Он знал, что на самом деле имела в виду дочь: «Знала ли мама, что умирает, когда в последний раз надевала его? Знала ли она, что болезнь убьет ее раньше, чем мы ожидали? Слишком рано».

Мукеш молча наблюдал, как по лицу его дочери скатилась маленькая, почти неприметная слезинка. Ему хотелось подойти к ней, утешить, но он знал, что, если попытается это сделать, она от него отмахнется.

– Прости, Рохини, что рылся в ее вещах. Вообще-то я искал ее книги, хотел почитать их Прие. Мне жаль, что я устроил беспорядок.

Рохини посмотрела на отца. Взгляд ее повеселел, она вытерла слезы, делая вид, что их вообще не было.

– Ничего страшного, папа. Но ты же знаешь, мама всегда брала книги в библиотеке. У нее не было своих. Тут нет для них места. – Она жестом обвела комнату, имея в виду и весь дом. Странно, почему-то сейчас казалось, что в доме мало места, но когда-то они жили здесь впятером, вели насыщенную и хлопотливую жизнь. Теперь остался только он, и сво-

бодного пространства не было совсем. Каждый угол полнился воспоминаниями.

Мукеш кивнул.

– Я знаю, так и думал. Но я просто... я хотел найти книгу для Прии. Она очень тихая и не любит смотреть мои любимые документальные фильмы с Дэвидом Аттенборо... они ведь очень познавательные.

Рохини встала и подошла к отцу, ласково похлопала его по плечу. Мукеш был благодарен Рохини за понимание: если бы она его обняла, он бы расплакался. Он ненавидел плакать перед своими девочками. Дочь оставила его в комнате, широко раскрыв дверь. Он знал, что на языке Рохини это означало: «Я дам тебе немного пространства, но позови меня, если я тебе понадобится». Она могла быть властной, но иногда и добросердечной.

Рохини настояла на приготовлении полноценного тхали¹⁸ (она предусмотрительно принесла с собой ингредиенты, хотя Мукеш настаивал, что это необязательно), и теперь они втроем поглощали лепешки и йогурт дахи. Это было любимое блюдо Прии.

– Рохини, дочка, ты так хорошо со мной обращаешься. – Мукеш зачерпнул пальцами щепотку кушанья. Рохини ни-

¹⁸ Тхали – блюдо индийской и непальской кухни. Основные компоненты тхали – вареный рис и дал (густой суп-пюре из чечевицы). Тхали сервируется на круглом подносе, в центре которого находится рис, а по окружности расставлены металлические миски, содержащие дал, овощи, карри, различные мелкие гарниры и приправы.

когда не готовила пищу такой острой, как Наина, что было неплохо, поскольку сейчас он уже не так хорошо переносил специи, как раньше.

Едва закончив есть, Прия выскочила из-за кухонного стола и устремилась обратно в гостиную, чтобы снова уткнуться в книгу.

– Рохини, – сказал Мукеш, – Прия всегда такая тихая? Всегда сидит за книжками?

– Просто она любит читать, папа, это нормально. Мама все время читала, а она определенно не была тихой.

– Но я никогда не слышал, чтобы она говорила о своих друзьях или о других своих увлечениях, кроме чтения. Твоя мама любила книги, но у нее всегда были друзья.

– Прия занимается и другими вещами. Ты когда-нибудь расспрашивал ее? – Рохини не смотрела на него, когда говорила это, но он почувствовал на себе ее жалящий взгляд.

– Ну... нет, но... – запинаясь, проговорил он.

– У нее есть два лучших друга, папа, Кристи и Джеймс, – продолжала Рохини. – Они очень милые и такие же тихие, как она.

– Они ходят друг другу в гости?

– Папа, в наше время дети так не делают. Они играют вместе в школе. На переменах.

Мукеш подумал, не было ли выражение «в наше время» завуалированным способом сказать: «Ты такой старый, папа!» Он вспомнил группу мальчишек, которые часто играли

на его улице, они смеялись и кричали, иногда сквернословили с тем удовольствием, которое получаешь, только когда эти слова новые для тебя. Те мальчишки, когда было солнечно, играли на улице почти каждый день, даже в наше время, когда родители боятся давать детям немного свободы. Рохини на этот раз была неправа.

Он подумал о Прие, сидящей в гостинной.

Она была одинока. Ее бабуля умерла, когда девочке было девять лет. Прия уже достаточно взрослая, чтобы по-настоящему ощутить свою потерю. Он знал, каково это – потерять лучшего друга, спутника жизни, но он никогда не позволял себе задумываться о том, что чувствовала бы внучка, потеряв лучшего друга. Наина ее понимала – когда Прия бывала замкнута, Наина помогала ей раскрыться. Что чувствовала Прия теперь, когда бабули не стало?

Рохини пошла в гостиную; а он последовал за ней, пока не раздалась трель телефона. Мукеш медленно свернул в другую сторону, поскрипывая суставами, стараясь доказать дочери, что может и сам о себе позаботиться.

– Алло? – произнес он, не узнав номера, когда поднял трубку.

На другом конце линии он услышал, как его друг Харишбхай, даже не поздоровавшись, возбужденно кричит:

– Бхай! Ты должен мне помочь. У меня очень-очень срочное дело. Сахилбхай выбыл из числа благотворительного похода на нужды мандира. Ты должен его заменить. Я, как толь-

ко узнал, сразу же сказал им: «Мукешбхай это сделает, он хороший человек, его Наина в один миг бы выдвинула». Ты ведь поможешь, да?

Рохини, нахмурившись, внимательно наблюдала за происходящим. Первым желанием Мукеша было немедленно положить трубку и сказать Рохини, что это реклама, но каким бы назойливым ни был Хариш, нельзя поступить с ним так грубо.

– Харишбхай, объясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду?

– Мукешбхай, друг, Сахилбхай вывихнул лодыжку. Поход будет через неделю, он не может принять участие, а мы не хотим терять спонсорские деньги.

– Но никто ведь не потребует деньги назад, верно? Это же благотворительность.

– Почему знать, бхай? Не все такие щедрые, как ты, я, Наина, а?

– Стало быть, тебе нужно найти ему замену...

– Ха, вот именно. Ты можешь это сделать? – Хариш спрашивал, но они оба знали, что это был не вопрос.

– Бхай, моя спина. Ты же знаешь. Спина у меня плоха.

Хариш продолжал говорить, не слыша слов Мукеша:

– Бывает, побаливает спина. Спасибо. Встречаемся у храма в следующую субботу в восемь утра. Спасибо, бхай. Спасибо.

Мукеш посмотрел на дочь, которая включила индийский

развлекательный канал и теперь качала головой в такт музыке.

– Кто это был? – рассеянно спросила она.

– Дядя Хариш.

– Что он хочет? – Роhini подняла взгляд на отца, на лице ее было написано презрение. Ей не нравился Хариш так же сильно, как и Мукешу.

– Он хочет, чтобы я заменил Сахила на благотворительном походе в следующую субботу.

Роhini рассмеялась. Когда выражение лица Мукеша осталось серьезным, Роhini перестала хохотать.

– Ты знаешь, что в этом году дистанция десять километров?

Мукеш судорожно сглотнул: он ненавидел ходить пешком, но это было ради Наины. У жены была маленькая книжка о лучших маршрутах по Лондону. Она всегда жаловалась, что они живут в столице Англии и за все годы почти не выезжали за пределы Брента. Кроме того, по субботам он никуда не торопился, по очереди обзванивал дочерей, разговаривал с внуками, смотрел по телевизору программу «Мир садовода» (хотя его сад представлял собой лишь тротуарные плитки, ему нравилось смотреть, как легко и приятно ухаживать за настоящим садом), а потом – «Голубую планету». Он не был уверен, что способен резко нарушить привычный уклад жизни. Он уже раз рискнул – посетил библиотеку... А тут еще благотворительный поход. Это уже перебор.

– Папа, очень здорово, что они хотят тебя в это вовлечь.

– Почему меня надо во что-то вовлекать? Особенно в десять километров? Почему бы не подождать, когда будет пять?

– Может быть, потому что они думают, что тебе надо взбодриться.

– Очень смешно!

– А ты хочешь?

– Нет. Я вдовец. Многие вдовцы одиноки, ворчливы и скучны. У меня есть ты, Прия, Дипали, Вритти и близнецы. Вы – мои повседневные занятия. Я в порядке.

– Папа, сходи. Не ходи слишком далеко, если боишься не справиться. Ты ведь не старый, верно?

Мукеш выпрямился, расправил плечи. Он видел, как его зять делал так перед пробежкой.

– Я могу выдержать поход. Я просто не хочу – у меня нет времени.

Рохини постаралась скрыть улыбку.

– Я могу! – Мукеш силился не выглядеть задетым.

– Хорошо... – сказала Рохини, поглядывая на дочь, которая тихонько посапывала в кресле. – Думаю, мы будем собираться, дорога домой займет у нас еще пару часов, а у Прии есть домашнее задание на лето.

Она ласково разбудила Прию, та терла заспанные глаза и на мгновение стала той маленькой девочкой, которую Мукеш водил в парк по пятницам после детского сада, которая

сидела у него на коленях и смотрела рождественские фильмы, которая засыпала, читая книжку с картинками в объятиях своей бабушки. Он знал, что, повзрослев, она не захочет проводить время со старым дедом. Особенно когда у них нет ничего общего. Его время истекает, не так ли?

– Вы можете остаться здесь, если хотите, – сказал Мукеш. – Я не хочу, чтобы вы возвращались домой в темноте.

– Нет, папа, дома лучше.

Ее слова ранили сильнее, чем он ожидал. Прошло много лет с тех пор, как Рохини переехала, но он до сих пор считал, что это и ее дом тоже.

– Желаю удачной прогулки в следующую субботу – повеселитесь, – проговорила Рохини, перекидывая ремешок сумки через плечо. – Ты все взяла? – обратилась она к Прие, проводя ладонью по лбу девочки и убирая с ее глаз непослушную прядь волос. Прия кивнула. Когда они выходили из дома, Мукеш с трудом сел на корточки, чтобы попрощаться с Прией, своей маленькой девочкой, которая оказалась не такой уж и маленькой, но она прошла мимо него и запрыгнула в машину, готовая ехать домой. Он продолжал натянуто улыбаться, маша рукой на прощанье, и, закрыв дверь, почувствовал себя еще более одиноким, чем когда-либо.

* * *

Вечером в спальне, которую Мукеш когда-то делил с Наи-

ной, старик забрался в кровать, скрипя матрасом и суставами. Он прошептал «Джай Сваминараян»¹⁹ и, опустив голову на середину подушки, уставился в потолок, на угасающий солнечный свет, пробивающийся сквозь щели в занавесках, отбрасывая оранжевое сияние на окрашенные стены. Он закрыл глаза, готовясь ко сну, молился и надеялся, что, когда проснется, рядом с ним будет Наина. Он знал, что, если хочет сблизиться с внучкой, завоевать ее доверие и уважение, ему придется пойти на кое-какие перемены. Мукеш знал, что главным ключом является библиотека... но благотворительный поход... пожалуй, от него тоже не будет вреда.

¹⁹ Джай Сваминараян – известный религиозный термин, предназначенный как для ритуальных, так и для социальных целей. Его идея заключается в том, что все произносимое или делаемое должно начинаться с имени бога.

Глава 6. Алейша

Сегодня было особенно приятно оказаться вне дома, хотя Лейла вела себя так, будто с ней все в порядке – драила и без того уже безупречно чистую кухню. Алейша шла по главной улице, пробираясь сквозь хаотичную толпу, не обращая внимания на мужчин, продающих краденные телефоны, мимо почти пустого стадиона, в это время дня там не было ни матча, ни концерта, ни другого мероприятия. Дорожное движение, как всегда, было интенсивным. Сигналили машины. Она ощущала запах выхлопных газов, от которого к горлу поднималась желчь.

Девушка брела мимо рядов таунхаусов, некогда белых, а теперь серых от загрязнений, мимо индуистского храма во всем его мраморном великолепии. На площади перед ним собралась толпа, молодые и пожилые люди страстно, с радостной искренностью дискутировали. Она села на ограду напротив храма и некоторое время наблюдала за происходящим, ковыряя ногти. У некоторых мужчин на запястьях были красные и желтые шнурки. Она вспомнила о старике из библиотеки, у него был точно такой же браслет. Толпа разошлась, и она нехотя пошла дальше к станции метро Стоунбридж-парк, чувствуя, как от жары покалывает кожу.

Была середина дня. Казалось, люди на платформе болтались бесцельно. Некоторые, вероятно, ехали на работу, им

она могла только посочувствовать. Другие, очевидно, занимались тем же, чем она – слонялись без дела, без цели, потому что больше нечем было заняться в этот жаркий, влажный день.

И тут ее внимание привлек один парень. На голове у него была шапка... В такую жару? Наверняка он запарился. На его лице была аккуратная щетина. Колючие ярко-зеленые глаза. Некоторое время она наблюдала за ним. Яркая футболка была ему велика и спадала поверх джинс. Он вошел в вагон спокойно, словно ему нечего и некому было доказывать. Алейша не могла понять, почему он ее заинтересовал. Она вошла в поезд, даже не заметив, куда он следует, пока не объявили, что конечная остановка Элефант-энд-Касл. Парень сидел, широко расставив ноги, занимая сразу два сидения, просто потому что мог.

Ссутулившись, он вытащил телефон и начал листать ленту. Какое-то время, пока поезд не въедет под землю, телефон будет ловить сигнал. Она достала свой телефон и, не глядя на экран, листала. Глаза были устремлены мимо телефона на того парня.

Алейша провела рукой по волосам и глубже вжалась в сиденье, не сводя с него глаз. Он на мгновение поднял голову и их глаза встретились – быстрый и ничего не значащий контакт.

Она поспешно опустила глаза на телефон, нервничая, не зная, как себя вести. Девушка открыла Тиндер. Она нико-

гда не пользовалась Тиндером. В отличие от всех своих друзей, которые, похоже, не вылезали оттуда и через день бежали на свидания, у нее не было времени встречаться с парнями, чтобы просто потусоваться или переспать. Но иногда, когда ей хотелось притвориться, что она живет какой-то другой жизнью, что у нее есть хоть какая-то свобода, она заходила в приложение, просто чтобы зайти.

Интересно, есть этот парень в Тиндере? Что, если она просто бездумно свайпнула его влево? Или еще хуже... что, если она свайпнула вправо?

Она поспешно свернула приложение и в панике сунула телефон в карман. Парень продолжал зависать в телефоне, поэтому ничего не заметил.

Взгляд Алейши медленно блуждал по вагону, не смотря ни на что конкретно, пока не остановился на схеме метро. Пытаясь доказать, что никакого особого интереса к кому-то в этом вагоне у нее нет, она достала из сумки книгу «Убить пересмешника»...

Они уже доехали до Куин-парка, а никто из вагона еще не вышел. Все пятеро пассажиров по-прежнему были на месте, ожидая своей остановки. Она начала читать, ее глаза метались по странице, девушка пыталась вспомнить, на каком моменте остановилась, как вдруг зазвонил телефон.

Это был Эйдан.

– Алло, – скованно произнесла она, стараясь говорить шепотом. Тот парень поднял на нее глаза, и она понадеялась,

что не покраснела.

– Возвращайся, Лейш, – сказал брат.

– Что?

– Ты можешь вернуться домой через час или около того?

– Зачем? Ты дома?

– Да. Вернись, если можешь. Я... – Он помолчал.

– Что, Эйдан?

– Ты мне нужна, – тихо сказал он и повесил трубку.

Алейша почувствовала, как беспокойство зародилось в груди. Ведь утром Лейла выглядела неплохо, не так ли? Неплохо в сложившихся обстоятельствах.

Эйдан не говорил младшей сестре «Ты мне нужна» с тех самых пор, как отец бросил их, тогда брат отчаянно старался отчистить дом от его вещей. Алейша не понимала, зачем ему понадобилось уничтожить каждую, связанную с отцом.

Это было в то лето, когда Эйдан отказался от изучения бизнеса в университете до «лучших времен». Когда они были детьми, то воображали, что Алейша – сварливая покупательница в магазине велосипедов Эйдана. В течение многих лет она никогда не сомневалась, что ее брат воплотит свой воображаемый магазин (в котором столовые приборы из ящика буфета изображали инструменты и детали) в реальность.

«Ты мне нужна», – звучал голос в ее голове. Поезд остановился, и Алейша, в последний раз посмотрев на того парня, сошла на платформу и направилась к поезду, готовому от-

везти ее домой. Она демонстративно посмотрела в телефон, стараясь притвориться перед всем миром, что таково и было ее намерение, что у нее есть план. Что у нее есть жизнь.

Она оглянулась, надеясь мельком увидеть парня еще раз. Но поезд уже ушел.

Она стояла на пороге дома, глядя на окна, прислушиваясь и надеясь обнаружить хоть малейшую подсказку, что ждет ее внутри. Все, что она слышала, – это гул вертолета, летящего за несколько улиц отсюда, да шум ветерка, ласково трепавшего ее волосы.

Не успела она набраться смелости, чтобы достать ключи из кармана и вставить их в замок, как раздался звонок, заставивший ее подскочить. Дверь распахнулась, и на пороге показался ее брат, прижимающий к уху телефон.

– Алейша, вот ты где, – быстро произнес он, опуская телефон. – Почему ты стоишь здесь?

– Я только что пришла. Что случилось?

– Э-э... мне надо уйти... – Он смотрел мимо нее, вниз на ноги, на небо, куда угодно, только не ей в глаза.

– Куда ты идешь?

Алейша не сводила с него глаз, пытаясь понять, что происходит.

– Я иду на работу. Ты можешь остаться дома? – Он словно прирос к месту.

– Зачем? Из-за мамы? – Алейша всматривалась в его ли-

цо, выискивая малейший намек на состояние Лейлы, во что ей придется ввязаться. – Я думала, у тебя выходной.

Теперь Эйдан смотрел на ключи от машины.

– Да, я... мне позвонили в последнюю минуту. Послушай, мне очень жаль, что я так поступаю, но не хочу оставлять ее одну сегодня, а мне нужно уйти.

Алейша шагнула вперед, но Эйдан не посторонился, чтобы ее пропустить. Он что-то недоговаривал.

– Она в порядке? – Алейша старалась не выдать своей паники, но слова «Ты мне нужна» снова пронеслись в голове.

– Да, Лейш, да, прости, она в полном порядке. Просто... понимаешь... было то так, то эдак, а у меня кое-какие дела, я не знал, где ты, ведь записки ты не оставила.

На мгновение Алейша увидела в глазах брата панику, стресс, боль, но отбросила эту мысль. Эйдан никогда не паникует, верно? Столько всего произошло, но из их семьи именно он со всем справлялся. Дядя Джереми всегда говорил: «Этот мальчик с таким достоинством несет мир на своих плечах». И дядя был прав.

– Ты меняпустишь? Или нужно назвать секретный пароль?

– Да, прости. – Он изобразил улыбку на лице, хотя в глазах было другое, странное чувство, отошел в сторону, подхватил с пола сумку и вышел.

Алейша бросила сумку в прихожей.

– Хорошо. Увидимся вечером. – Ее слова звучали спокой-

но, хотя на самом деле ей хотелось крикнуть ему вслед: «Не разыгрывай карту “Ты мне нужна”, когда все в порядке». Ей хотелось сказать ему, как сильно он ее напугал. Хотелось накричать на него.

– Сегодня у меня смена короче, чем обычно, – сказал он. Теперь, когда брат вышел из дома, его голос сразу стал веселее, а глаза – ярче, она никогда раньше не замечала столь разительной перемены. – Заканчиваю в восемь. Тогда и увидимся. Позвони мне, если что-то понадобится, хорошо?

– Как скажешь.

– Я привезу пиццу или еще что-нибудь, чтобы загладить свою вину. Извини, если мы нарушили твои планы, – крикнул он через плечо, залезая в машину.

Она понимала, что под словом «мы» он подразумевает «я и мама», она же не могла сердиться на него, когда он «просто беспокоился о маме».

– Я ненавижу пиццу! – крикнула она в ответ.

Алейша помахала брату и вошла в дом, осторожно ступая, надеясь, что мама все еще в постели. Но Лейла сидела на диване и смотрела международный канал, где говорили на иностранных языках.

– Мам, – сказала Алейша, стараясь, чтобы голос звучал мягко, – зачем ты это смотришь?

Лейла не сразу ответила, похоже, была не в силах. Наконец она пожала плечами и пробормотала:

– Это успокаивает.

Алейша посмотрела на экран – там шла какая-то драма, звучала громкая музыка, герои обменивались напряженными взглядами. Ядовитый оскал героини буквально прожигал экран.

– Как это может успокаивать?

Глаза Лейлы были стеклянными, будто она вообще ничего не понимает.

– Чая?

– Нет, я в порядке. – Ее губы были сухими и бледными. На лбу была тонкая пленка пота, над верхней губой собрались крохотные капельки влаги.

Было ясно, что сегодня нисходящая спираль.

Ухудшения не было уже давно. Эйдан всегда знал, чего опасаться, и Алейша пожалела, что ушла сегодня утром. Но Эйдан настоял, потому что знал, что он может справиться с этим, а сестра нет. Сейчас она остро ощущала его отсутствие и металась, не зная, что сделать, чтобы Лейла чувствовала себя в безопасности, что сказать и что сделать. Неважно, сколько бы лет это ни продолжалось, она была для Лейлы незнакомкой.

В кухне для устойчивости она оперлась руками о столешницу, и только потом достала свою любимую кружку, которую отец купил для нее на рождественской ярмарке. Если верить надписи на днище, она была расписана вручную. На ней был изображен ангел со светлыми волосами и голубыми глазами. Ангел был точно не похож на нее. Когда она бы-

ла младше, ей нравилось притворяться, что именно такой ее видел отец: светловолосой, голубоглазой, с бледной, персиковой кожей.

Когда чайник начал закипать, Лейла позвала: «Чаю, пожалуйста». Алейша закатила глаза к потолку и торопливо вымыла любимую мамину кружку со «Звездными войнами». Та простояла в раковине несколько дней, покрывшись темными кофейными кругами.

Алейша залила кипятком чайные пакетики, с удовольствием наблюдая, как вода становится темной, потом плеснула в каждую кружку молока. Осторожно отнесла чай в гостиную, не сводя глаз с кружек, чтобы ничего не расплескать. Было невыносимо представить, чем может закончиться, если она прольет чай на пол.

Она аккуратно поставила кружку на стол рядом с Лейлой и выключила телевизор. Как ни странно, но Лейла крепко спала, тихонько посапывая.

Алейша села в кресло напротив матери и некоторое время наблюдала за ней. Она слышала, как за окном проезжают на велосипедах дети, как смеются мамочки, толкая перед собой прогулочные коляски. Девушка резко подскочила, увидев, что на телефоне высветился входящий звонок. Папа. Она взяла телефон и вышла из комнаты, аккуратно прикрыв дверь.

Дин позвонил впервые за последние три недели. Она в нерешительности занесла палец сначала над зеленой кноп-

кой, потом — над красной. Разговаривать с Дином, когда Лейла находится в соседней комнате... это ощущалось как предательство. Но если она нажмет красную кнопку, Дин, возможно, больше не позвонит. У него теперь была новая жизнь, новые дети, новая жена. У него были уважительные причины не перезванивать. Он был «очень занят, дорогая».

— Алло? — прошептала она, прикрывая рот рукой, стараясь, чтобы в голосе не прозвучала надежда. Ей просто хотелось разговора, обычного разговора.

— Привет, милая! — Его голос был бодрым, оглушительно счастливым — на заднем плане слышалась какая-то болтовня.

— Привет, пап, ты где?

— Я дома... дети смотрят фильм. А ты? Почему шепчешь?

— Тоже дома. Мама спит.

— Э-э... у вас все хорошо? Как Эйдан?

— Он занят, работает. Маме сейчас не очень хорошо. Она перестала брать новые проекты, так что мы стараемся, как можем.

Алейша обожала смотреть, как мать занимается дизайном, а иногда и рисует. Но когда Лейла чувствовала себя так, то забрасывала все дела. Она убрала компьютер и материалы, прекратила принимать заказы. Это всегда было для Алейши и Эйдана первым признаком того, что дело неладно.

— Алейша, ты знаешь, что если тебе захочется отдохнуть, ты можешь приехать и провести какое-то время здесь. Мы будем очень рады тебя видеть. У тебя ведь сейчас летние ка-

никулы?

– Да, я сдала экзамены. Но... я работаю. Может быть, в другой раз? Когда будет поспокойнее. В любом случае, я собираюсь много читать – подготовиться к поступлению в университет и все такое. Юриспруденция... там будет конкурс. Эйдан хочет, чтобы я усердно занималась. – Она уставилась на стену, представляя себе, как ее отец находится в своем всегда безупречно чистом доме, с прекрасными детьми, сидящими перед телевизором, они шутят, смеются. Интересно, насколько легко дышится в его новом доме?

– Конечно, я понимаю. Хорошо, солнышко, я рад, что ты так серьезно к этому относишься.

Он замолчал, Алейша услышала возглас на заднем плане. Кто-то его звал.

– Папа?

– Извини, Алейша, мне надо идти. Извини – я тебе еще позвоню. Но помни про мое предложение. Если захочешь приехать в гости, тебе всегда рады.

– Я знаю, – сказала Алейша.

– Хорошо, пока, дорогая, люблю тебя. – Не дожидаясь ее ответа, он отключился.

– Пока, – сказала она в умолкший телефон. Отчаянно желая чем-то занять ум, спастись от наполняющей дом тишины, она принялась листать журнал телефонных вызовов.

Эйдан. Эйдан. Эйдан. Дом. Дом. Кайл. Дев. Кайл. Дом. Эй-дан.

Она зашла в свою телефонную книгу и нажала кнопку «Вызов» напротив имени Рэйчел, слушала гудки, почти надеясь, что Рэйчел не ответит. Алейша не знала, что скажет. Но разговор с отцом, его непринужденный голос заставили ее почувствовать себя еще более ненужной, чем когда-либо.

– Привет, сестренка! – прошепел голос Рэйчел.

– Привет, – ответила Алейша, не сумев удержать уныние из голоса. – Ты в порядке?

– Извини, детка, но я сейчас гуляю с друзьями. Можно я позвоню тебе позже?

– Не беспокойся, не беспокойся, – ответила Алейша с легкостью, которой не испытывала, не желая, чтобы сестра чувствовала вину за то, что живет нормальной жизнью. – Поговорим на неделе? Приятного вечера! – Она со вздохом повесила трубку. Единственная компания, которая у нее была в обозримом будущем – негромкое посапывание мамы.

Лейла сидела рядом с ней, склонив голову на плечо и мирно спала. У Алейши на мгновение возникло желание встряхнуть ее, разбудить и закричать: «Мама, поговори со мной! Давай поболтаем!» Но это желание рассеялось так же быстро, как и возникло.

Она вытащила из чехла список книг, развернула его и вновь сложила, а затем медленно вынула из сумки «Убить пересмешника». Кто-то потрудился составить этот список, специально отобрал книги. Что же было в этих книгах? По-

чему он выбрал именно эти? Знал ли автор, что его список для чтения станет чьим-то еще?

Она посмотрела на книгу и почувствовала неловкость, вспомнив, как волновалась, когда впервые ее открыла, тогда ей показалось, что все в библиотеке внимательно разглядывают ее. Интересовались, что она делает? Почему ведет себя как какой-нибудь книжный червь? Но здесь, кроме нее, никого не было. Некому было ее оценивать.

Она раскрыла книгу и начала читать, поначалу неуверенно, осторожно шепча каждое слово, как если бы читала вслух на уроке английского, пока не позволила себе наслаждаться собственным неспешным ритмом, чувствуя каждое слово. Через каждые несколько строчек она поглядывала на Лейлу, чтобы проверить, не подает ли мама признаков пробуждения, но мама не шевелилась. Она заметила, что книга позволяет ей присутствовать сразу в двух мирах: в том мире, в котором она находилась прямо сейчас, в своем доме, рядом с матерью, где воздух был теплым и влажным от дневной жары, и в другом мире, мире двух детей, девочки Джин-Луизы по прозвищу Глазастик и ее старшего брата Джима, которые жили в маленьком городке под названием Мэйкомб, в штате Алабама, где они играли на улице, дурачились, потому что были... детьми. Она была готова на все, чтобы снова увидеть жизнь глазами ребенка; время, когда она еще не была такой сложной, пугающие соседи были веселым увлечением, а семья означала родной дом. С первых нескольких страниц бы-

ло ясно, что Глазастик определенно мешает Джиму, но он все равно с ней мирился.

– Мам. – Алейша повернулась к Лейле, чьи глаза были по-прежнему крепко закрыты. – Что ты думаешь о Глазастике и Джиме? Они тебе никого не напоминают? – Алейша улыбнулась, не ожидая ответа, на глаза ей попалась фотография, выставленная на каминной полке: Алейша и Эйдан, в возрасте семи и пятнадцати лет, обнимающие друг друга (к этому их принудила Лейла, руководившая съемками из-за камеры), с лицами, скривившимися от притворного отвращения. Она улыбнулась.

Затем Алейша познакомилась с отцом Глазастика и Джима. Рассказчица называла его по имени – Аттикус... Это имело смысл только потому, что он был важным персонажем. Обращение «отец», похоже, было для Аттикуса слишком банальным. Он был адвокатом. Мудрым, добрым, справедливым... Она повернулась к Лейле, лицо ее расплылось в улыбке.

– Мам! Он адвокат! – прошептала она. – Похоже, большая шишка в их городишке. – Она видела Аттикуса глазами Глазастика – крупный мужчина, сильный, достойный уважения. Она вспомнила, что когда-то давным-давно и сама так думала об отце. Странно, как только кончается детство, родители превращаются в обычных людей, с такими же, как у тебя, страхами и переживаниями.

– Мама, – произнесла она тихим голосом, – кажется, я на-

чинаю в этом разобраться. – На одно мгновение ей показалось, что Лейла вздрогнула, что глаза ее чуть приоткрылись. Алейша подумала, не собирается ли мама что-то ей сказать. Когда ничего не произошло, Алейша свернулась калачиком на диване, прижавшись к матери, как делала раньше, в детстве. Прижав к себе книжку, она позволила глазам закрыться.

* * *

Когда Алейша проснулась на следующее утро, книжка лежала в руках, и мягкая обложка прилипла к ее влажной коже. Она оглядела комнату, и на секунду ей показалось, что в кресле напротив она видит маленького ребенка, ее ноги в шортиках были запачканы алабамской пылью, а коленки расцарапаны. Глазастик. В момент пробуждения она будто находилась не в Уэмбли, а в Мейкомбе. Она посмотрела на другой конец дивана, ожидая увидеть Лейлу и гадая, разделит ли мама с ней этот момент. Однако мамы там не оказалось, Алейша была совсем одна. Но впервые за порядочное время тишина в доме не была такой удручающей, она могла дышать.

Глава 7. Мукеш

– *Би-и-н.* Папа, это Рохини, мне сегодня нужно поехать в офис, поэтому я хочу на несколько часов привезти к тебе Прию. Я приготовила ей ланч, потому что она сегодня немного капризничает, у нее будет с собой книга, так что не беспокойся о том, как ее развлечь. Я записала ее к парикмахеру на Уэмбли Хай-роуд на пять часов, ты бы мог отвести ее туда? Тебе тоже будет полезно прогуляться. До скорой встречи, папа. Я буду у тебя в районе одиннадцати.

– *Би-и-н.* Привет, папа, это Вритти. Рохини только что написала мне, хотела, чтобы я проверила, что ты получил ее сообщение. Она сейчас едет к тебе.

– *Би-и-н.* Привет, пап, это Дипали. Рохини сказала, что ты записался на благотворительный поход в этом году. Замечательно! Я скоро приеду к тебе с дисками для фитнеса. Мама их очень любила. Они помогали ей сохранять здоровье. Может быть, тебе тоже стоит начать.

Было без десяти одиннадцать, и Мукеш в четвертый раз прослушивал сообщение Рохини, чтобы удостовериться, что правильно уловил все детали. Приедут в районе одиннадцати. Запись к парикмахеру на пять часов. Кормить и развлекать Прию не надо.

Он проигнорировал сообщение Вритти, зная, что она не ждет от него ответа; дочка всегда играла роль гонца Рохини.

И ему совсем не понравились слова Дипали про диски с фитнесом. Насколько он помнил, Наина только делала вид, будто они ей нравятся, чтобы Дипали не чувствовала, что зря потратила деньги.

Пока он записывал все детали на стикер, Рохини именно для этой цели оставила блок («Папа, ты, похоже, никогда не слушаешь внимательно мои сообщения, я положу блокнот у телефона, чтобы ты мог все записывать»), телефон зазвонил опять, и сердце заколотилось. На случай, если у Рохини появятся еще какие-либо инструкции перед грядущим приездом, он отклеил еще несколько листочков.

– Да... Я почти готов, честно. В одиннадцать... – сбивчиво проговорил Мукеш, торопливо вскаивая с места.

– Алло, это мистер Патель? – спросил мужской голос.

– Да, – ответил Мукеш, на этот раз настороженно. – Это мистер Патель. Кто говорит?

– Здравствуйте, мистер Патель, это Кайл из библиотеки на Хэрроу-роуд. Мы говорили с вами на днях. У нас есть книга по вашему запросу, которая как раз освободилась.

– Но я не оставлял никакого запроса. Я не знаю, как это делается.

– Вы уверены? У нас отмечена книга «Убить пересмешника».

– Я ее не заказывал, клянусь. Простите, что отнял у вас время, – поспешно извинился Мукеш.

– Странно. Возможно, это техническая ошибка. Вы хоти-

те, чтобы я аннулировал заявку? Книга вас ждет, но я могу поставить ее обратно на полку.

Мукеш уже собрался ответить, когда его осенила мысль. Он увидел нацарапанные на листочке слова: «Прия... не надо кормить и развлекать». В конце концов, книга есть книга... и, если библиотекарь не смогла ничего порекомендовать, быть может, техническая ошибка как раз кстати. Он не мог терять время. Может быть, это все-таки развлечет Прию! Это может стать началом, надо показать, что он старается ее понять.

– Я приду и заберу ее сегодня, если можно.

– Конечно, мистер Патель.

– Спасибо, молодой человек. Как мне ее забрать?

– Вам просто нужно прийти в библиотеку с документом, удостоверяющим личность, поскольку, как я понимаю, вы еще не получили читательский билет. Верно? И передать сотруднику за конторкой вашу просьбу. Все просто!

Мукеш не был уверен, что это звучит просто, но ему придется с этим разобраться. Он почувствовал, как у него сладко замерло сердце.

– Спасибо, спасибо, молодой человек.

Когда он положил трубку, часы пробили одиннадцать и раздался стук в дверь.

– Рохини! Прия! – Мукеш открыл дверь, по лицу его расплылась улыбка. – Как чудесно вы обе выглядите! – Рохини была в своем рабочем одеянии – льняном брючном костюме

и модных очках. Она кивнула ему с деловым видом.

– Спасибо, что выручаешь меня в последнюю минуту, папа. Уверена, что у вас двоих найдется чем вместе заняться. – Прия и Мукеш посмотрели друг на друга. Оба явно подумали: «Когда было такое?»

На мгновение Мукеш почувствовал, что у него замерло сердце.

– Вообще-то сегодня мы пойдем в библиотеку!

Прия подняла на него глаза, на лице было написано замешательство.

– Отлично, – сказала Рохини, стараясь скрыть удивление. Она направилась к машине, а Прия поспешила в дом, где заняла свое обычное место, с книгой в руках.

– Рохини, – крикнул Мукеш дочери, и она остановилась на полпути. – О чем книга «Убить пересмешника»?

– Что?

– Книга, о чем она?

– Ой, папа, я так давно ее читала. Уже не помню. Припоминаю только, что я над ней плакала. Кажется, мама меня успокоила. Она думала, что я нервничаю из-за экзаменов, но это было из-за книги. – По глазам Рохини он понял, что она мысленно перенеслась в то время. – Ты ведь не собираешься взять ее для Прии? Из библиотеки? Думаю, ей пока рановато ее читать.

– Нет, нет, это для меня.

– Правда? – Она впервые за долгое время посмотрела на

него как на взрослого. — Это прекрасно, папа. Мама бы тобой гордилась.

Против воли грудь его раздулась от гордости. Рохини запрыгнула в машину, помахала ему рукой, и, когда машина скрылась из виду, он услышал, как Наина шепчет ему на ухо: *«Спасибо, Мукеш. Спасибо, что снова пытаешься»*.

Глава 8. Алейша

– Алейша? – раздался в телефоне «профессиональный» голос Кайла, из чего она заключила, что он уже в библиотеке.

– Да? – отозвалась Алейша.

– Тот пожилой человек, которого ты обидела... (Кайл обо-
жал играть на чувстве вины) – ну так вот, он придет сегодня
забрать ту книгу, которую ты для него отложила. Кажется,
твой трюк сработал... Ты хочешь быть здесь, чтобы лично ее
порекомендовать? Я с радостью это сделаю сам, ведь очень
хорошо знаю эту книгу.

Алейша закатила глаза. Еще бы он не знал. Кайл знал
все. Она не была уверена, что именно побудило ее зарезер-
вировать книгу, но как только она перевернула последнюю
страницу «Убить пересмешника», ей захотелось поговорить
с кем-нибудь о ней, а тот мужчина как раз хотел взять книгу.
Она подумала, возможно, он пришел в библиотеку не только
за книгой, а в поисках чего-то большего. Что, если ему был
нужен друг, кто-то, с кем можно поговорить? На какое-то
время Глазастик и ее брат Джим... они казались Алейше
друзьями. А вдруг этот мужчина, если прочтет книгу, тоже
почувствует это?

– Вообще-то да, я хочу быть там. Я буду примерно через
час. Только дождусь, когда брат вернется домой.

– Хорошо, позаботься о том, чтобы ты могла рассказать

ему что-то интересное о книге, прорекламирровать ее. Каждый посетитель важен, помнишь?

Она повесила трубку и внутренне простонала. Что сказал ей о книге Любитель детективов? Упомянул ли он что-нибудь интересное, что она, в свою очередь, могла бы сказать старику? Единственное, что ей запомнилось, что обычно он читал другие книги, но что эта вырвала его из привычного жутковатого, наполненного преступлениями мира.

Она достала телефон и набрала в поисковике «Темы в книге “Убить пересмешника”», а потом – «Вопросы для обсуждения по книге “Убить пересмешника”» и выудила список вопросов, который вполне могла бы составить ее учительница английского. Она пролистала книгу, и ее пальцы летали по страницам, которыми она уже насладились, когда наблюдала за тем, как Джим, Глазастик и их друг Дилл дразнили старика, который жил в зловещем доме по соседству. Она остановилась на странице, где Аттикус готовился к судебному процессу и защите в суде невиновного Тома Робинсона. Тогда при чтении она подсознательно делала пометки, размышляя, действительно ли так выглядит реальная юриспруденция. Она пролистывала страницы, разгневанная отношением горожан к Тому и Аттикусу.

– Эйдан! – крикнула она пару дней назад, вихрем врываясь в его комнату. Брат сидел на кровати, рассеянно глядя в ноутбук.

– Лейш, что случилось?

Она помахала перед ним книгой.

– Вот! Жители Мейкомба – вымышленного городка! Они так ужасны... есть человек, которого обвинили в нападении на белую женщину, и только потому, что она белая, все поверили ей. Аттикус – он как адвокат, по-настоящему хороший адвокат, он защищал Тома. Но все, все остальные... Они ужасны.

– «Убить пересмешника»? – Эйдан оценивающе смотрел на обложку. – Это хорошая книга, – подмигнул он. – Я знаю, она глубокая, но когда она тебя пробирает, тебе просто нужно помнить, что это только книга, понимаешь?

– Я ценю твое мнение – это ведь ты наряжался персонажами из книг на Хэллоуин. Но ты понимаешь, о чем я... это похоже на реальность. Я уверена, что так оно и было. Это настоящая борьба за справедливость.

– Вижу, эта книга действительно зацепила тебя, не так ли? – добродушно поддразнил ее брат.

Она действительно ее зацепила. Но сейчас, когда ей нужно было сказать о ней что-то интересное, она буквально терялась, не уверенная, что ее мысли имеют ценность. Книга вызвала в ней много чувств, но стоит ли делиться ими?

Прислонившись к столешнице на кухне, она ждала, пока закипит чайник. Край врезался ей в поясницу, напомним, как в детстве Эйдан гонялся за ней по дому, и она упала. На мгновение ей показалось, что она летит, пока она не ударилась головой и не содрала кожу над левым глазом об острый

край кухонной стойки.

Эйдан, как всегда, пришел на помощь. Дин отчитал его за беготню по дому, но папе не пришлось просить Эйдана наложить повязку на ее кровоточащий лоб – тот сделал это мастерски. Брат давно взял на себя обязанность о ней заботиться. Лейла долгое время называла его «наш маленький доктор». Эйдан был безупречен, как всегда.

Устроившись в гостиной с кружкой в руках, она выглянула в окно и стала наблюдать за проходящими мимо людьми. Делая глоток, иногда два, всякий раз, когда она замечала кого-нибудь. Это была ее скучная игра на выпивку. Она уже начала паниковать – если Эйдан скоро не появится, то Алейша может не успеть в библиотеку к приходу старика.

И вот тут все и произошло – словно явилось прямиком со страниц романа. В окно она увидела того самого парня из поезда. На этот раз без шапочки. Может, у нее разыгралось воображение? «Нет, – сказала она себе, – это он». Определенно он.

Она медленно приблизилась к стеклу, из-за ее дыхания оно вскоре запотело, и смотрела, как он перемещается в поле ее зрения. Как раз в этот момент кабриолет Эйдана остановился на противоположной стороне дороги, его обычном парковочном месте. Ее сердцебиение замедлилось. В окне машины виднелся силуэт Эйдана, он наклонился к бардачку, вероятно, убирая очки (он ни в какую не желал признавать, что нуждается в очках для вождения), потом откинул голову

назад и устоялся в небо. Алейша ждала, рассчитывая, что сейчас он выйдет из машины, но этого не происходило.

Время остановилось, Эйдан тоже не двигался. Алейша чувствовала себя шпионом. Что происходит?

И тут позади нее послышался шепот.

– На что мы смотрим?

Это была Лейла, одетая в джинсы и футболку – вероятно, сегодня у нее был хороший день. Алейша постаралась стереть с лица удивление.

– Ты встала!

– Конечно, я встала.

Алейша нахмурилась.

– На что ты смотришь? – продолжала Лейла.

– Ни на что. – Алейша отвернулась от окна, стараясь заслонить от взора матери машину Эйдана, позволяя брату побыть одному. – Просто заметила одного парня, которого видела однажды в поезде, – сказала она, чтобы отвлечь маму.

– Захватывающе, – улыбнулась Лейла. Сегодня утром ее глаза выглядели менее усталыми.

Алейша бросила последний взгляд на Эйдана. Он знал, что она его ждет. Алейша написала ему сообщение, что ей надо на работу. Почему же он не входит? Чем он занят? В машине брат поднес обе руки к лицу, его плечи поникли: в таком положении он просидел несколько мгновений, а затем посмотрел в сторону дома, в ее сторону.

– Мама? – вскочила Алейша, но, когда обернулась, Лейлы

уже не было.

– Я здесь! – крикнула Лейла из своей комнаты. Алейша быстро встала с дивана, сделав вид, что ничего не заметила, и пошла вверх. За дверью маминей спальни она слышала тихие голоса по радио.

Она вошла; Лейла вынула из уха один наушник.

– Входи, дорогая, – произнесла она приветливым голосом. – Входи и посиди со мной. – Алейша постаралась подавить свою панику по поводу библиотеки, постаралась сосредоточить внимание на маме. Прямо сейчас она хотела, чтобы ее обняли. Хотела, чтобы Лейла сказала ей, что все будет хорошо.

Лейла, выпрямившись, сидела у изножья кровати. Алейша привыкла видеть ее свернувшейся калачиком, сейчас же пальцы ее ног чуть касались пола. Рядом с ней стоял радиоприемник, подключенные наушники связывали Лейлу с ним, словно вливая в нее жизнь.

Она похлопала ладонью по кровати с другой стороны от радио. Алейша села, как было велено. Лейла вынула из ушей наушники. Смотала провод и положила наушники рядом с приемником. Алейша обратила внимание на линии. Линия ступней Лейлы и линия пола. Линия ее прямой спины и линия кровати. Приемник, линия проводов. Она чувствовала, будто невидимые границы прочерчены сквозь нее, над ней, вокруг нее. Она узнавала и собственные линии: ее спина (слегка изогнутая, ссутуленная), кровать, ноги и пол, ступни

(пальцы направлены вниз, а не прямо, как у матери). Мама ей улыбалась, но Алейша не знала, как себя вести, думала только о том, что она выходит за рамки шаблона. Не вписывается в картину.

Девушка застыла на месте, боясь совершить хоть какое-нибудь движение, вдруг оно испортит настроение Лейлы, привлечет ее внимание к тому, насколько неуместна здесь Алейша. Но спустя минуту обе услышали звяканье ключей в двери и щелканье замка. Лейла вскочила с кровати, и Алейша была забыта. Их чары, какими бы они ни были, рассеялись.

– Эйдан! – воскликнула Лейла, спеша к входной двери.

Алейша перегнулась через перилами, наблюдая, как Лейла обнимает сына. Алейша вглядывалась в лицо брата, зажатое между плечом и головой матери. Он улыбался. И глаза его, кажется, блестели.

– Идем со мной на кухню, – сказала Лейла, увлекая за собой сына. – Я что-нибудь приготовлю!

Алейша не двигалась с места, чувствуя себя третьей лишней.

Затем она забрала из спальни сумку и надела туфли у двери. Эйдан, уже в фартуке, подошел к ней.

– Ты сейчас в библиотеку?

– Да, тот старик, ну ты помнишь... так вот, он придет взять книгу, которую я рекомендовала.

– Это здорово, Лейш! И на этот раз у тебя получится луч-

ше?

– Само собой. Та книга, которую я читала...

– «Убить пересмешника»?

– Да, ты не забыл.

– Еще бы, ты же все время твердишь о ней.

– Странно... Не знаю, сумею ли я сказать о ней что-нибудь достойное.

– Он будет в восторге. Мне ты наговорила о ней кучу крутых вещей.

Алейша почувствовала, как у нее краснеют щеки, словно ее захватили врасплох. Помимо всезнайки Кайла и Дева, ее брат был единственным из известных ей людей, кто разбирался в книгах.

– Правда?

– Да. Но не буду врать: когда я увидел тебя крепко спящей с книгой в руках, я подумал, что она тебе наскучила.

Алейша сердито посмотрела на него и легонько ударила по руке.

– Заткнись. Вообще-то я могу сконцентрироваться на нужных вещах. Не забывай, я получаю хорошие оценки.

– Тогда чего же ты ждала?

– Тебя! – Алейша подхватила сумку и выбежала из дома.

– Это похоже на сцену из фильма «Реальная любовь» или чего-то в таком роде, – крикнул Эйдан ей вслед, а из дома тем временем донесся голос Лейлы:

– Эйдан, милый, помоги мне с этим!

Алейша в ответ показала ему средний палец.

Список для чтения. Индира. 2017

Индира опоздала на сегодняшний сатсанг, потому что курьерская доставка перепутала время. Когда она приехала к мандиру, то была взволнована и в панике. Она знала, что сегодня сатсанг ведет Наина, хотя очень долгое время та не могла этого делать из-за лечения, и Индира обещала Наине, что будет там. Она хотела увидеть ее и поддержать. Индира каждый день за нее молилась. Хотя они не были близкими подругами (Индира ни с кем особенно близко не общалась), Наина была готова помочь всем. Индира твердо верила, что на добро нужно отвечать добром, когда люди больше всего в нем нуждаются.

И вот именно сегодня ее угораздило опоздать.

Индира села на стул у стеллажей для обуви и сбросила колхапури²⁰, носки снимать не стала, хотя ее врач рекомендовал соблюдать осторожность.

– Если снимаете обувь, лучше ходите босиком, так будет гораздо лучше, мисс Патель. Не так скользко. – Но Индира никогда не прислушивалась к его советам.

Она аккуратно положила туфли в пластиковый пакет и выбрала свою любимую обувную полку. Полка номер 89 на стойке Д. Это было ритуалом. Иногда сюда приходила школьная экскурсия, это место бывало занято, но все осталь-

²⁰ Индийские декоративные тапочки ручной работы из плетеной кожи.

ные знали, что оно принадлежит Индире.

Она проверила, нет ли на полке другой обуви – ничего, кроме скомканного клочка бумаги в глубине. Индира вытащила его, поскольку была любопытной, развернула, чтобы посмотреть, нельзя ли вернуть ее владельцу, человеку, который разбрасывает мусор в общественных местах. Кто осмелился мусорить на ее обувной полке?

Вдруг тебе это пригодится:

- «Убить пересмешника»
- «Ребекка»
- «Бегущий за ветром»
- «Жизнь Пи»
- «Гордость и предубеждение»
- «Маленькие женщины»
- «Возлюбленная»
- «Достойный жених»

Индира нахмурила лоб. Что это? Какой-то список на английском, написанный аккуратным почерком, который она не узнавала. С единственной уликой невозможно найти и пристыдить любителя намусорить.

Она бросила взгляд на часы. Было уже пять минут третьего, а она еще не добралась до зала! Она знала, что ей следует выбросить бумажку в урну, но она была совершенно в другой стороне. Отчасти чтобы сберечь время, а отчасти потому, что в глубине души у нее засела мысль: «На всякий слу-

чай», – вдруг записка была посланием кому-то, может быть, даже ей самой, – она аккуратно ее сложила и положила в пластиковый пакет.

Она заметила Мукеша, мужа Наины, который смотрел в одно из окошек, проделанных в деревянных дверях, отделяющих главный вестибюль от зала.

– Эй, на что смотришь? Здесь только для женщин! Кыш! – пошутила Индира.

– Не сердись, Индирабен²¹. Я смотрю, чтобы удостовериться, что с ней все в порядке. Я обещал, что задержусь. – Его голос слегка дрожал, глаза были покрасневшими, усталыми.

– Ты сорвешь себе спину, если долго будешь стоять в таком положении!

– Индирабен, ты же понимаешь. Посмотри, – он указал жестом в сторону зала, и взгляд Индиры последовал за ним, она оперлась локтями на раму с символикой храма. – Я должен за ней приглядывать.

Наина выглядела совсем не так, как всегда. Ее волосы, обычно черные как уголь и заплетенные в косу, были сегодня полностью покрыты старым сари, которое не сочеталось с остальным нарядом. Это было очень не похоже на Наину, но Индира ничего не сказала Мукешу. Он так пристально следил за женой, словно, если он отвернется, она может исчезнуть.

²¹ Бен – уважительное обращение к индийской женщине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.